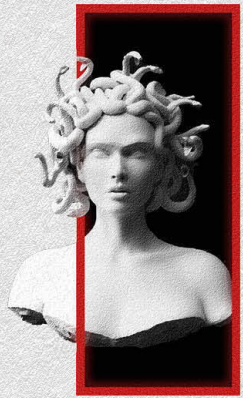
М. ХАЗИН, С. ЩЕГЛОВ



ТОМ II

КРИЗИС И ВЛАСТЬ

ЛЮДИ ВЛАСТИ

ДИАЛОГИ О ВЕЛИКИХ СЮЗЕРЕНАХ
И ВЛАСТНЫХ ГРУППИРОВКАХ

Сергей Игоревич Щеглов
Михаил Леонидович Хазин

Кризис и Власть. Том II. Люди Власти. Диалоги о великих сюзеренах и властных группировках

Серия «PRO власть (Рипол)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68976921
Кризис и Власть. Том II. Люди Власти. Диалоги о великих сюзеренах и властных группировках: РИПОЛ; Москва; 2023
ISBN 978-5-386-14975-8

Аннотация

В вопросах Власти есть два ответа – всем известный и правильный. Любой представитель элиты заинтересован в том, чтобы сохранить в тайне структуру своей группировки и ее подлинные цели. Но помимо внутренних связей существуют еще и публичные действия, совершаемые членами группировок в ходе борьбы за те или иные ресурсы.

С помощью теории Власти, изложенной в «Лестнице в небо», Михаил Хазин и Сергей Щеглов анализируют масштабные

исторические и политические события, чтобы показать, сколько коллективных интересов, мотивов и проблем скрывается за известными каждому «фактами».

За что поплатился директор МВФ Стросс-Кан? Мог ли Сталин проиграть борьбу за власть? Кто на самом деле стоит за смертью Кеннеди и почему абсолютно все, даже его сторонники, поддержали официальную версию об убийце-одиночке? Почему Рузвельт, затянувший Великую депрессию, стал единственным президентом в истории США, избранным на третий срок, а Никсон, который вывел американскую экономику из кризиса, – единственным президентом, досрочно отстраненным от власти?

Об этом и многом другом – в книге «Кризис и Власть. Том II. Люди Власти».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности 6
Предисловие 8
Часть III 11
Глава 1 14
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Михаил Хазин, Сергей Щеглов
Кризис и Власть
Том II
Люди Власти
Диалоги о великих сюзеренах и властных группировках

* * *

© Фонд экономических исследований «Михаила Хазина», 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

Благодарности

Оба автора прежде всего хотят поблагодарить самих себя за неотступное намерение все же написать эту книгу.

Сергей Щеглов. Хочу поблагодарить Петра Давыденкова и Михаила Ермака, знакомство с которыми хоть и сильно замедлило работу над книгой, зато придало ей необходимую глубину.

Михаил Хазин. Я хотел бы поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой, особенно Андрея Безрукова и Дмитрия Дробницкого, разговоры с ними, как и чтение их работы, очень помогли мне понять внутренние механизмы американской политики.

Дополнение. В самом конце работы над второй книгой – «Люди Власти» – абсолютно неожиданно скончался Сергей Щеглов… Это стало настоящей трагедией не только для меня, но и для всей российской и мировой исторической науки и науки о Власти.

Мы уже начали обсуждать нашу новую большую книгу, посвященную оценке роли Сталина с точки зрения теории Власти. Вклад Сергея Щеглова, его разностороннее образо-

вание и умение работать с источниками невозможно переоценить. А сильный писательский талант и яркая фантазия позволяли ему излагать сложные идеи и открытия в доступной и привлекательной форме.

Я думаю, что работы и идеи Сергея Щеглова будут значимы еще многие десятилетия, и очень рассчитываю, что его знамя подхватит новое поколение исследователей! Светлая ему память!

Михаил Хазин

Предисловие
Учиться власти!

«Лестница в небо» (2016) и ее переработанная версия, представленная в первом томе, позволяют понять, как в общих чертах устроена Власть, чем она отличается от Управления и почему никакая социальная система не может обойтись без Власти.

На множестве примеров мы объяснили, что большинство важных решений, меняющих судьбы целых народов, принимаются не просто исходя из локальных интересов правящих властных группировок, а из их субъективных (и искаженных) взглядов на эти интересы.

Напоминаю, что наша теория определяет **власть** как **конкурентное взаимодействие малых организованных групп.** Или, иначе, анализирует исторические события как результаты деятельности противоборствующих, конкурирующих организованных групп, властных группировок. Подобный подход требует от исследователя более углубленного анализа доступной информации: помимо свидетельств о действиях официальных лиц, от него требуется реконструкция возможных мотивов, вызванных принадлежностью этих лиц к той или иной группировке. Методика такой реконструкции все еще находится в стадии разработки,

поэтому даже **сама возможность** воссоздать «закулисные» причины широко известных событий все еще ставится многими читателями под сомнение.

Поэтому «учиться Власти» – значит при рассмотрении любых проблем, затрагивающих большое количество людей, прежде всего учитывать текущий расклад Власти: какие группировки контролируют требующиеся для решения ресурсы, каковы их представления об окружающем мире и каковы шансы в борьбе за место под солнцем после изменений, которые возникнут в результате решения рассматриваемой проблемы.

«Кризис и Власть. Том II. Люди Власти» реконструирует некоторые известные и многократно обсуждаемые события, но смотрит на них совершенно с новой стороны. Поскольку нашей главной целью является демонстрация методики властно-группового анализа, основное внимание будет уделено не сенсационным разоблачениям «заговоров», а последовательности задаваемых вопросов и найденных ответов, приводящих, в свою очередь, к новым вопросам. Поскольку большинство событий в нашем мире взаимосвязаны, начинать разматывать их цепочку можно с любого достаточно интересного места; главное при этом – продолжать задавать вопросы до тех пор, пока события не сложатся в логически непротиворечивую картину (а лучше – и некоторое время после этого). Таким образом, бóльшая часть текста будет посвящена «логике исследования», и лишь в самом конце

мы позволим себе подвести содержательные («как оно все было на самом деле») и методологические («как мы сумели это установить») итоги.

В то же время усиленное внимание к властным группировкам и их верхушкам, которые образуют элиту любой устойчивой государственной структуры, потребовало включить во вторую книгу некоторые теоретические рассуждения, которые частично углубляют материалы «Лестницы в небо», а частично дополняют их.

Итак, уважаемый **Читатель, мы – Теоретик** и **Практик** – предлагаем вам начать учиться Власти. А для этого – поучаствовать в разговоре о том, какие проблемы и какими способами реально решали **правящие** властные группировки прошлого.

Часть III
Для чего нужна власть

Теоретик[1]. Изложенные в «Лестнице в небо» общие законы Власти слишком многочисленны, чтобы усвоить их как таблицу умножения, даже прочитав книгу десять раз; поэтому мы решили раскрыть их на исторических примерах, рассказав о каждом как можно подробнее как раз с точки зрения борьбы за власть – как она выглядит в реальном мире, с конкретными людьми и ресурсами.

Практик. Нужно также понимать, что даже самые выдающиеся люди Власти совершают ошибки (как мы увидим в дальнейшем) не потому, что не понимают, что происходит, а потому, что принимают решения исходя из каких-то других соображений. Это могут быть и чисто рефлекторные реакции («Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное». – Талейран), и желание придать своим действиям большую скорость и эффективность (мы это увидим на примере Никсона), и сложные отношения с частью элиты (Кеннеди), и просто этические прин-

[1] Как и в «Лестнице в небо», и Теоретик, и Практик являются *литературными персонажами,* говорящими не то, что хочется отдельным авторам, а то, что нужно для максимально точного и интересного рассказа о Власти.

ципы.

Мы надеемся, что читатели нашей книги поймут: ошибки во Власти стоят очень дорого, поэтому анализировать ситуацию нужно всегда. На протяжении всей «Лестницы в небо» мы рассказывали, насколько это важно, но сейчас, во второй книге, необходимость анализа видна на простых и конкретных примерах.

Теоретик. Исторические примеры были нами подобраны по принципу «кризисная ситуация – и как на нее реагировали правящие элиты». Разумеется, в реальности такую раскладку можно сделать практически для любой ситуации в истории, однако мы исходили из той логики, что категорически необходимо, чтобы наши рассуждения и объяснения касались задокументированных событий и были более или менее всем известны.

Читатель. Ну да, вы не хотите обвинений в конспирологии. Но ведь если методика известна, то можно ее применять и для тех случаев, когда документов не сохранилось или же их изначально не было и быть не могло, например, при разборе литературных произведений.

Практик. Безусловно. И я видел в интернете очень интересный анализ и «Трех мушкетеров» Дюма именно с точки

зрения властных раскладов[2] (хотя этот роман к реальной истории имеет слабое отношение, как и, скажем, «Остров сокровищ» Стивенсона). Но это мы оставим в качестве упражнения, а сами, все-таки, будем исходить из того, что любая новая теория (а наша теория Власти – новая) прежде всего требует качественной верификации. И вот тут без исторических документов не обойтись.

Теоретик. Ну а начнем мы наше исследование с уже подзабытого, но в свое время весьма скандального события: относительно современной истории, на примере которой мы подробно раскроем методологию добычи информации о властных группировках, а в следующих историях будем пользоваться уже результатами ее применения, то есть добытой авторами информации. Кроме того, эта история позволит **Практику** дать многочисленные привязки к современности, что тоже не помешает при оценке нашего анализа.

[2] См. Костин К. К. О чем молчал Атос.

Глава 1
Мировая валюта. Проигранное сражение. «Дело Стросс-Кана»

Теоретик. 14 мая 2011 года в 16:45 В Нью-Йорке, через 20 минут после завершения посадки на рейс во Францию, в самолете был задержан директор Международного валютного фонда (МВФ) Доминик Стросс-Кан. Ему предъявили обвинения в незаконных сексуальных актах, попытке изнасилования, сексуальном домогательстве и незаконном лишении свободы горничной отеля Sofitel Нафисатту Диалло. Все это он якобы проделал за 7 минут, с 12:06, когда горничная открыла номер своим электронным ключом, до 12:13, когда Стросс-Кан позвонил по мобильному телефону дочери. Обвинения основывались исключительно на показаниях потерпевшей; тем не менее полиция Нью-Йорка и американские СМИ сразу же отнеслись к директору МВФ как к типичному высокопоставленному насильнику: его заключили под стражу и поместили в тюрьму для заключенных, имеющих склонность к суициду. В этом, кстати, был прозрачный намек для СМИ: подозреваемый раскаивается, а значит, виновен.

Читатель. Но ведь ничего подобного в то время практически не случалось – неужели сразу не было понятно, что за

всей историей есть какой-то подтекст?

Практик. Я рад, что вы уже начинаете смотреть на жизнь как человек Власти. Рядовой обыватель в похожей ситуации скажет, что «так просто никого не арестуют», что «полиция не посмеет без серьезных оснований поступать настолько жестко с такими известными людьми», ну, или еще как-нибудь. Люди Власти, разумеется, быстро поняли, что что-то произошло, хотя не все поняли, что именно. Однако люди Власти обычно не склонны чуть что рассказывать остальным о своем понимании той или иной ситуации.

Теоретик. Тут **Читатель,** конечно, оказался прав. В ходе следствия все обвинения были сняты еще до суда, но громкое дело поставило крест на дальнейшей политической карьере Стросс-Кана. Это обстоятельство вызвало серьезные сомнения в беспристрастности американских силовиков. Согласно опросу от 18 мая 2011 года, 57 % французов полагали, что Стросс-Кана подставили («set up»), и лишь 32 % поверили официальным объяснениям («no conspiracy»). Но все же провокация против директора МВФ (организации, *формально* до сих пор управляющей всеми мировыми валютами!) – серьезная операция, которую никто не стал бы устраивать без *особых* причин. Чем же Доминик Стросс-Кан заслужил свое скандальное дело?!

Поскольку Стросс-Кан являлся публичной фигурой, про-

екты, где он играл ключевую роль, были хорошо известны широкой публике. Так что основные версии лежали на поверхности – грядущие президентские выборы во Франции и ожидавшийся со дня на день дефолт Греции. 17 мая 2011 года Михаил Хазин в интервью агентству Nevex добавил к этим версиям еще одну:

> Третья, которая мне кажется наиболее вероятной, – что Стросс-Кан чуть больше месяца тому назад объявил о том, что современная финансовая идеология, «вашингтонский консенсус», себя исчерпали, и нужно что-то делать. Со Стросс-Кана сняли ту защиту, которой всегда обладают высшие члены элиты… что вызвало падение авторитета МВФ – если с его начальником можно делать такое [Хазин, Nevex, 17 мая 2011].

Наиболее вероятным Хазин считал **третий** вариант, в котором Стросс-Кана подставили не ради него самого, а с целью продемонстрировать *всем будущим функционерам МВФ,* «кто в доме хозяин». В следующем интервью, 18 мая, он рассказал о возможной причине для подобного «укрощения» непокорного фонда:

Вопрос:

Все чаще говорят о том, что задержание главы МВФ довольно подозрительно. Действительно ли США могли быть заинтересованы в этом?

Михаил Хазин:

Смотря, что такое США. Я думаю, что лично Стросс-Кан США не интересен… Дело в том, что примерно месяц-полтора тому назад начались активные рассуждения о том, что надо срочно создавать «Центробанк» на базе МВФ и **переходить к мировой валюте SDR.** Понятно, что Стросс-Кан поддерживал эту идею, но не фанатично, потому что он уходит с поста главы МВФ. Эта идея имеет смысл, она чем-то повторяет идею создания ФРС в 1913 году, только не на национальном, а на наднациональном уровне. Но проблема в том, что если такую идею реализовывать, то она означает ликвидацию самостоятельности государств в части проведения денежной политики.

Вопрос:

Но если говорить о самостоятельности государств, то зачастую сейчас так и происходит при работе с МВФ?

Михаил Хазин:

Действительно, для большинства стран мира это нормально – для них вхождение в МВФ и означает потерю самостоятельности, за исключением двух стран – Китая и США. И для США озвученная выше перспектива – это уже реальная потеря самостоятельности. По этой причине в США довольно много людей, которые сегодня вполне серьезно говорят

о том, что МВФ нужно ликвидировать в том виде, в котором он существует, потому что фонд не продемонстрировал адекватности в борьбе с кризисом. Но в реальности дело не в том, что он сделал или не сделал, а в том, что он делать только собирается. Фактически это противодействие американской национальной элиты и наднациональной финансовой. Эти силы могли быть заинтересованы не в том, чтобы обидеть Стросс-Кана, который, на самом деле, никому не интересен, а чтобы очень сильно понизить авторитет МВФ [Хазин, Nevex, 18 мая 2011].

Практик. Обращаю внимание: первая и вторая версия касаются чисто европейских властных группировок. И сразу возникает вопрос, как это они так быстро решают все вопросы в США. Даже если вспомнить, что Саркози через своих родственников тесно связан с некоторыми спецслужбами США, все равно, не настолько уж его родственники всесильны. А вот третья версия разительно отличается: во-первых, она касается конфликта внутренних американских властных группировок. Более того, одна из этих группировок транснациональная, пусть и базируется сегодня в США.

Во-вторых, сама проблема явно не ограничена во времени, она носит системный характер и, так или иначе, действует со времен Бреттон-Вудской конференции, то есть с 1944 года! Именно там были созданы международные институты (МВФ, Мировой банк, ГАТТ, который потом стал ВТО) для

контроля мировой долларовой системы, но сам эмиссионный и контрольный центр долларового мира остался в юрисдикции США. То есть имеет место системное внутреннее противоречие!

В-третьих, сегодня мы видим, насколько это противоречие разрослось, вспомните только борьбу Трампа против Байдена, а до того – Трампа против Клинтон! И Клинтон, и Байден – представители как раз транснациональных банкиров, Трамп – национальных элит США. И если с 2014–2015 годов противоречие между ними вышло в публичное пространство, то нет ничего удивительного в предположении, что в 2011 году оно уже существовало.

В общем, третья версия Хазина мне нравится больше всего.

Читатель. Переход к мировой валюте, контролируемой МВФ, и утрата США финансовой самостоятельности?! Звучит как какой-то заговор сионских мудрецов; разве возможно, чтобы столь масштабный проект прошел незамеченным для широкой публики? Если бы МВФ действительно планировал создание мировой валюты, мы бы об этом знали, не так ли? Взять, например, евро – как только его ввели в обращение в 1999 году, так мы сразу же его и заметили…

Практик. А почему вас не удивила ситуация 1944 года, когда не создали сразу четвертый международный институт,

условную Международную резервную систему?

Читатель. Ну, экономика США тогда составляла более 50 % мировой, зачем же чужих пускать на свою кухню?

Практик. А в 2011-м она уже снизилась примерно до 20 % мировой. Понятно, почему вопрос о выводе эмиссионного центра из-под юрисдикции США встал на повестку дня, где тут конспирология? Другое дело, что национальным властным группировкам США это понравиться не могло.

Теоретик. Да, **наличные** евро мы действительно заметили сразу. Но многие ли из нас могут похвастаться тем, что заметили появление в рамках Европейского экономического сообщества его предшественника – расчетной валюты **экю?** Произошло это в 1979 году, задолго до учреждения Евросоюза (1992) и создания евро (1999), но стоимость «новой» европейской валюты оказалась в точности равной экю![3] Большие проекты не делаются быстро, но профессионалы знают, что за первым пунктом некоего плана (условный расчетный экю) скорее всего последует и завершающий (новая валюта – евро). Быть может, мы ничего не слышали про мировые деньги только потому, что, в отличие от *завершившегося* проекта «евро» (1979–1999), этот проект еще не закончен?

[3] Подробнее см. The Guardian. Ключевые даты от Римского договора 1957 года до введения единой валюты.

Что если он находится на промежуточных, непонятных для широкой публики этапах? Невежество – плохой аргумент, и чтобы на 100 % исключить возможную связь «дела Стросс-Кана» с «мировой валютой», нужно как следует разобраться, существовал ли такой проект в действительности, и был ли он достаточно близок к успеху.

Читатель. А что, реально был? Лично у меня упоминание о «мировой валюте» всегда вызывает какие-то конспирологические ассоциации…

Теоретик. Первая же ссылка, которую «Гугл» выдает на запрос «Strauss Kahn world currency», ведет на статью в крупнейшей (2-е место после Wall Street Journal) мировой газете The Guardian – «Босс МВФ призывает к созданию мировой валюты»:

> Доминик Стросс-Кан, директор МВФ, призвал к созданию новой мировой валюты, которая бросит вызов господству доллара и поможет обуздать будущие финансовые кризисы [The Guardian, 10 февраля 2011].

В тот же день, 10 февраля 2011 года (за 3 месяца до происшествия в отеле Sofitel), аналогичные публикации появились и в других ведущих СМИ (The Telegraph, CNN Money, ABC News). Выступление Стросс-Кана на внутреннем семинаре МВФ в Вашингтоне стало мировой сенсацией – МВФ, с момента создания в 1944 году находившийся под полным

контролем США, в лице своего директора вдруг заговорил о замене доллара на другую господствующую валюту! Причем это были не пустые слова; в своем выступлении на семинаре Стросс-Кан сослался на официальный документ МВФ – публикацию от 7 января 2011 года «Укрепление международной денежной стабильности – роль для SDR?». В ней на 42 страницах подробно обосновывались тезисы, кратко озвученные Стросс-Каном:

> В долгосрочной перспективе SDR могут сыграть роль в создании более стабильной международной денежной системы. В документе МВФ, публикуемом сегодня, мы представили ряд идей на эту тему. Они включают:
>
> • Увеличение общего количества SDR, что обеспечит удовлетворение запросов разных стран на дополнительные резервы в случае кризисов.
>
> • Использование SDR для ценообразования в мировой торговле и номинирования финансовых активов, что позволит им меньше зависеть от волатильности валютных курсов.
>
> • Выпуск облигаций, номинированных в SDR, что создаст новый класс резервных активов [Стросс-Кан, IMF, 10 февраля 2011].

Все перечисленные функции в международных финансах в настоящее время реализует доллар: 1) резервные активы мировых центробанков на 65 % состоят из долларов, что составляет более 8 трлн на 2010 год; 2) 85 % валютно-обмен-

ных операций производится с долларом в качестве одной из валют (а значит, и цены большинства контрактов указываются в долларах, иначе их не приходилось бы покупать за другие валюты); з) долларовые активы хранятся в центробанках не в виде наличных, а в виде государственных облигаций США, номинированных в долларах.

Практик. Если на сцене появляется другая валюта, обладающая теми же свойствами – со свободной конвертацией в любые другие валюты, популярностью в качестве валюты цены контракта и наличием свободно обращающихся на рынке облигаций, выпущенных надежным (как правительство США) эмитентом, – то доллару придется потесниться, а то и вовсе перестать быть основной резервной валютой! И слова про «долгосрочную перспективу» тут никого не обманут – пример евро у всех перед глазами. Да и не забудем, что один из актуальных инструментов обеспечения уникального положения доллара США на первом этапе действия Бреттон-Вудской модели, привязка к золоту, был ликвидирован еще в 1971 году!

Теоретик. Подведем промежуточный итог: Стросс-Кан в качестве директора МВФ **действительно** реализовывал план по превращению SDR, с 1969 года остававшихся внутренней расчетной единицей самого МВФ, в полноценную мировую резервную валюту, способную вытеснить доллар

из международных расчетов. Неудивительно, что версия «Стросс-Кана подставили за атаку на доллар» сразу же появилась в разнообразных «конспирологических» публикациях. Однако это только условным конспирологам «усе ясно»; мы же незамедлительно сталкиваемся с новыми вопросами.

Была ли «новая валюта» личным проектом Стросс-Кана (например, с целью повысить значимость МВФ, а следовательно, и свою собственную), или за ней стояли и другие игроки? Как долго готовилось (и с чьим участием) столь громкое (и столь печально закончившееся для Стросс-Кана) выступление? И наконец, насколько *серьезными* были шансы «новой валюты»? Настолько ли, чтобы ее противникам (а значит, сторонникам доллара) *пришлось* применить грубую силу?

Практик. Приведенные выше соображения о том, что были объективные проблемы, связанные с необходимостью таки завершить Бреттон-Вудскую реформу мировых финансов и вывести эмиссионный долларовый центр из-под национальной юрисдикции, ничего не говорят о конкретной интриге. Поскольку вариантов тут как минимум три: что Стросс-Кан действовал по прямому указанию, что его спровоцировали и, наконец, что он, зная об объективных проблемах, решил их использовать в личных целях. И во всем этом нам предстоит разобраться.

Теоретик. Вот теперь самое время присмотреться к политической биографии Стросс-Кана. Начав свою карьеру еще в Союзе коммунистических студентов (где он познакомился с будущим премьер-министром Франции Лионелем Жоспеном) и поработав немного (1977—1981) университетским преподавателем, Стросс-Кан полностью переключился на политику, вступив в 1981-м в Социалистическую партию (которую к тому времени успел возглавить его приятель Жоспен). В 1986-м Стросс-Кан уже избирается в депутаты французского парламента, а в 1991-м – назначается министром промышленности и внешней торговли. Потерпев неудачу на выборах 1993 года, он создает консалтинговую фирму и начинает сколачивать личное состояние (министр, пусть и бывший, всегда может быть полезен понимающим людям).

В 1997-м Жоспен становится премьер-министром Франции и назначает Стросс-Кана министром финансов; как раз в это время происходит подготовка к окончательному переходу на евро, и Стросс-Кан знакомится со всей европейской финансовой элитой. В 1999 году он оказывается замешан сразу в нескольких коррупционных скандалах и уходит в отставку; на какое-то время ему приходится вернуться к преподаванию (в «кузнице политических кадров» Франции – Институте политических исследований). В 2002 году Стросс-Кан снова становится депутатом и возобновляет по-

литическую деятельность, выступает, пишет статьи, заводит один из первых во Франции политических блогов. К 2006 году его популярность в левых кругах возрастает настолько, что Стросс-Кан выставляет свою кандидатуру на праймериз Социалистической партии и занимает второе место, уступив Сеголен Руаяль.

А дальше происходит что-то странное. 13 апреля 2007 года (перед самыми президентскими выборами) Стросс-Кан призывает всех левых *объединиться против Саркози.* 5 мая 2007 года во втором туре Саркози побеждает Руаяль 53:47. 28 июня 2007 года Родриго де Рато, действующий директор МВФ, объявляет о своем намерении уйти в отставку по личным обстоятельствам. А уже *7* июля Саркози, едва освоившись в Елисейском дворце, предлагает на пост директора МВФ кандидатуру… Доминика Стросс-Кана!

Читатель. Саркози что, дурак? Помогает своему очевидному противнику наработать связи и получить финансовую независимость?

Теоретик. Сделаем паузу и рассмотрим эту ситуацию в терминах властных группировок. На начальных этапах своей карьеры Стросс-Кан был преданным вассалом Лионеля Жоспена. Когда тот потерял популярность (снял свою кандидатуру на праймериз 2006 года), Стросс-Кан начал самостоятельную игру (праймериз 2006 года, затем попытка при-

соединиться к Руаяль). Очевидно, что вассальное положение при Жоспене перестало его удовлетворять, и Стросс-Кан был «открыт любым предложениям»; и когда Саркози такое предложение сделал, оно упало на хорошо подготовленную почву. Фактически, в этот момент Стросс-Кан *сменил сюзерена* (возможно, даже с согласия Жоспена).

Практик. Уважаемый **Читатель,** вы же понимаете, что Саркози – далеко не самый высокий сюзерен во Франции? И то, что не так давно он был осужден подтверждает этот вывод. То есть существует вероятность, что в реальности предложение Стросс-Кану сделал совсем другой человек, а Саркози только его легализовал в публичном поле!

Читатель. Ну-у-у…

Теоретик. Таким образом, должность директора МВФ была Стросс-Кану предложена (в обмен на какие-то обязательства, пока остающиеся за кадром), а не добыта многолетними усилиями. Директорство в МВФ стало для него самого едва ли не большей неожиданностью, чем для остальных участников этой затеи. Вся политическая карьера Стросс-Кана, на протяжении 20 лет (1986–2006) связанная с Социалистической партией, была недвусмысленно нацелена на пост президента Франции. Непохоже, чтобы «мировая валюта» хоть что-то значила для Стросс-Кана до 29 сентября

2007 года, когда его утвердили в должности исполнительного директора МВФ. Но, может быть, идея «мировой валюты» пришла Стросс-Кану в голову уже на новом месте работы?

Поиск по «Strauss Kahn IMF greater role ambitions» выводит нас на две любопытные статьи. Из одной, «Миру нужно меньше МВФ – не больше», мы узнаем, что с первых же дней своего директорства (октябрь 2007-го) Стросс-Кан выступил за реформы, повышающие статус МВФ (естественно, в целях «международной финансовой стабильности»); однако в этих выступлениях ни словом не упоминается «мировая валюта». Вторая, «Непомерные амбиции Доминика Стросс-Кана», подробно рассказывает об успехах нового главы в деле реформирования МВФ. Приняв его в 2007 году «с сохой» («развивающиеся страны не нуждались в деньгах фонда, а развитые привычно игнорировали его рекомендации»), Стросс-Кан уже к 2009 году добился кардинального изменения этой ситуации:

> [Стросс-Кан]… стал одним из первых политиков, призвав еще в январе 2008 года к государственной поддержке спроса для противодействия кризису, после чего эта точка зрения стала популярна от Вашингтона до Пекина. Он резко критиковал недостатки финансового сектора и сделал Фонд значительным игроком в нормативной реформе мировых финансов. Он неустанно лоббировал существенное увеличение ресурсов МВФ, пропорциональное возросшему масштабу глобальной финансовой системы. Его усилия

были вознаграждены в 2009 году на саммитах «Большой Двадцатки» (G20) в Лондоне и Питтсбурге, где лидеры крупнейших стран согласились утроить фонды МВФ, увеличив их до 750 млрд долларов, и предоставить Фонду полномочия по экономическому надзору и разработке новых кредитных схем [Institutional Investor, 1 сентября 2010].

Отличная работа опытного политика; но как же насчет *мировой валюты?* Читаем в той же статье: «Французский президент уже призывал к новому Бреттон-Вудскому соглашению для реорганизации международной финансовой архитектуры и отказу от американского доллара в качестве главной резервной валюты». Не Стросс-Кан призывал, а Саркози?! То есть, как мы понимаем, скорее всего, их общий сюзерен! А когда, кстати, Саркози к этому призывал?

«Гугл» по «Sarcozy dollar reserve currency» выводит на короткую заметку, в которой цитируется выступление Саркози 13 ноября 2008 года на Вашингтонском саммите G20: «Вчера я выехал в Вашингтон, чтобы сказать, что доллар не имеет права быть единственной валютой в мире…» Дальнейший поиск по этой цитате позволяет обнаружить **книгу** «The Status Quo Crisis», целиком посвященную реформам мировой финансовой системы после кризиса 2008 года[4]; но в ней выступление Саркози трактуется как предложение доллару

[4] Eric Helleiner. The Status Quo Crisis: Global Financial Governance After the 2008 Meltdown.

потесниться и уступить место евро.

Поиск по «Sarkozy new bretton woods» находит статью в Financial Times, датированную 3 ноября – «Браун и Саркози стремятся к новому Бреттон-Вудсу»: «Николя Саркози и Гордон Браун заключили невероятный союз перед начинающимся на будущей неделе саммитом G20 в Вашингтоне с целью пересмотра мировой финансовой системы». Как показала дальнейшая история, союз этот сработал – саммит G20 2008 года получил в прессе название «Бреттон-Вудс 2». Но для нашего исследования более существенно другое: оказывается, премьер-министр Великобритании Гордон Браун продвигал «Бреттон-Вудс 2» *независимо* от Саркози! 13 октября 2008 года Браун выступил с публичным обращением к лидерам стран о создании новой «финансовой архитектуры», а 15 октября повторил свои предложения (касавшиеся главным образом международного регулирования банковской деятельности) на встрече руководителей стран Евросоюза в Брюсселе.

Практик. В заметке о предложении Брауна, опубликованной 13 октября в британской The Telegraph, мы находим примечательную фразу:

> Понятно, что премьер-министр желает реорганизовать МВФ в «мировой Центробанк», тщательно контролирующий международную экономику и финансы [The Telegraph, 13 октября 2008].

Судя по заключительной декларации саммита G20 в Вашингтоне, в которой МВФ прямо предписывалось «расширить усилия по регуляции и контролю», а также ставился вопрос о «пересмотре объема ресурсов», имеющихся в его распоряжении (понятно, что в сторону увеличения), желание премьер-министра Великобритании нашло понимание у остальных членов «Большой Двадцатки». Что же получается, и возрастание роли МВФ, и (в конечном счете) проект по созданию новой мировой валюты – инициатива не столько Саркози, сколько Брауна?

То есть, скорее всего, мы видим активную работу мировой финансовой элиты (вряд ли Браун и Саркози принадлежали одной властной группировке), в которой премьер-министры и президенты являются лишь исполнителями. Здесь это уже видно невооруженным взглядом.

Теоретик. Сделаем на основании слов **Практика** еще одно теоретическое отступление. В теории власти описываются две принципиально разные формы организации верховной Власти – монархия и олигархия. При монархии борьба между группировками ведется исключительно за внимание верховного сюзерена (буквально за «доступ к телу»). В случае же олигархии изменение положения той или иной группировки зависит от ее способности сформировать **коалицию** из других, менее могущественных, но играющих самостоятельную роль группировок. Публичные призывы к

тем или иным «реформам» обычно свидетельствуют о начале кампании по формированию такой коалиции. Однако совершенно необязательно, чтобы публичный призыв исходил от подлинного инициатора кампании; куда безопаснее (вдруг коалиция потерпит поражение, и прилетит «ответка») использовать для этого одного или нескольких младших союзников.

Таким образом, из публичной активности Брауна и Саркози преждевременно делать вывод, что Браун возглавлял формирующуюся коалицию, а Саркози к ней присоединился. Смена руководства МВФ произошла за несколько месяцев до начала кампании «Бреттон-Вудс 2», и хотя в результате именно Саркози поставил туда «своего» человека, далеко не факт, что тот же Саркози убедил Родриго де Рато подать в отставку. Больше похоже, что и Браун, и Саркози действовали в рамках более широкой коалиции, главную группировку которой мы все еще не знаем.

Читатель. Правильно ли я понимаю, что здесь мы как раз и видим согласованную работу той самой «международной финансовой элиты», о которой говорил в своем интервью Хазин?

Теоретик. Давайте не будем спешить, самое время посмотреть, что именно Браун и Саркози говорили о «новой мировой валюте». Поиск по «brown sarkozy new world

currency» первой же ссылкой выводит на подробную статью об истории реформ мировых финансов: «Финансовый Новый Мир: путь к глобальной валюте и мировому правительству». В разделе «Мировая валюта» мы находим целую коллекцию ссылок на соответствующие проекты: (валюта «Феникс» 1988 года, предложение Тобина МВФ в том же году, конференция МВФ 2000 года «Один мир, одна валюта: цель или заблуждение?», призывы к созданию мировой валюты известного экономиста Роберта Манделла). Становится понятно, что идея «мировой валюты» *постоянно присутствует* в международных дискуссиях, но отдельные высказывания в ее поддержку еще не означают запуск **реального проекта.** От обсуждений «было бы неплохо» к официальным документам МВФ с предложениями конкретных шагов – долгий путь, который должен начинаться с чего-то более серьезного, чем конференция «то ли хорошо, то ли плохо».

Вот это «более серьезное» мы и находим в статье чуть дальше:

> 16 марта 2009 года Россия высказала предложение, что саммит G20 в Лондоне может дать старт созданию системы управления процессом глобализации и обсудить возможность создания наднациональной резервной валюты…
>
> 23 марта 2009 года появились сообщения, что Центральный банк Китая предложил заменить американский доллар как мировую резервную валюту

на новую систему под контролем Международного валютного фонда…

В конце марта стало известно, что Комиссия экономистов предложила новую мировую валюту взамен американского доллара [Global Research, 6 апреля 2009].

Читатель. Россия, Китай и ООН *практически одновременно* призывали к мировой валюте, а я об этом ничего не знаю?! Не ошибся ли автор статьи, приняв «утечки информации» за реальные действия высокопоставленных чиновников?

Теоретик. Вот давайте и посмотрим. **17 марта 2009 года** в The Moscow Times была опубликована заметка «На саммите G20 Кремль поднимет вопрос о новой валюте» (At G20, Kremlin to Pitch New Currency), в которой действительно сказано прямым текстом:

Кремль озвучил свои приоритеты к саммиту G20, призвав к созданию наднациональной резервной валюты [Global Research, 18 марта 2009].

Практик. На всякий случай – в это время в Кремле сидел не В. Путин, а Д. Медведев.

Теоретик, 19 марта 2009 года ООН представила предварительную версию доклада экспертной комиссии по ре-

форме международных финансов (под председательством нобелевского лауреата Джозефа Стиглица), пункт 47 призывал ровно к тому же самому:

> Решением проблемы [несбалансированности мировых финансов] является **новая Глобальная резервная система,** которая может выглядеть как значительно расширенные SDR [Стиглиц, The Guardian, 27 марта 2009].

23 марта 2009 года директор Центрального банка Китая Чжоу Сяочуань опубликовал короткое эссе «Реформа мировой денежной системы», в котором говорится, что «желаемой целью реформирования международной денежной системы является создание международной резервной валюты, не привязанной к отдельной нации…». На роль такой резервной валюты Сяочуань предлагал все те же SDR, чьи функции должны быть существенно расширены. Эссе Сяочуаня было воспринято финансовым сообществом весьма серьезно; «предложения Чжоу» упоминаются во всех обзорных публикациях на тему международных финансов последних лет.

Насколько вероятно, что в течение одной недели три крупных игрока мировых финансов, *не сговариваясь,* выступили с одним и тем же предложением? На наш взгляд, совершенно невероятно – подобные решения и документы готовятся достаточно долго, и всегда сопровождаются неофициальными консультациями. Косвенные признаки согласо-

ванности перечисленных событий можно найти и в Сети: 19 марта 2009 года «Рейтер» сообщило со слов **российского** информатора, что «Китай и другие развивающиеся страны поддержат российский призыв к замене доллара в качестве резервной валюты», а 27 марта 2009 года китайское агентство Синьхуа опубликовало выдержки из интервью Стиглица – «Существует растущий консенсус относительно проблем с долларовой резервной системой…». Примечательно, что первым к формированию более широкой коалиции призвал младший партнер (Россия), а самый авторитетный из публичных участников – Китай – высказался последним.

Практик. Тут нужно сделать небольшое отступление. Кризис 2008 года мы обсуждать не будем (желающие могут про него прочитать в книге М. Хазина «Воспоминание о будущем»), но инсайдерская информация говорит, что члены G8 с конца 20°8 года, а потом и G20 очень активно обсуждали в своей переписке вопросы реформирования МВФ и создание «Центробанка центробанков». А поскольку сами главы государств экспертами в финансах не являются, то совершенно естественно, что эксперты на своем уровне тоже это обсуждали.

Желающие могут сами поискать в интернете информацию по фразе: «Медведев на G8 в июле 2009-го демонстрирует будущие „мировые деньги“». Не то чтобы это были настоящие деньги, но, как мы видим, уже и шутить начали на эту

тему.

Теоретик. Не менее примечательно, что МВФ и его директор, «харизматичный» Стросс-Кан, ни словом не обмолвился по поводу «предложения Чжоу», хотя (как мы теперь видим) именно согласованная позиция Китая, России и других развивающихся стран и позволила МВФ резко усилить свои позиции на Лондонском саммите G20 в апреле 2009 года. Подобное поведение может означать либо совсем уж подчиненную позицию, либо, напротив, статус верховного сюзерена всей коалиции. Быть может, Стросс-Кан и есть тот закулисный игрок, который и создал – своим неустанным трудом на протяжении 2008 года – проект «мировые деньги»?

Чтобы понять, кто же такой Стросс-Кан – обычный чиновник или теневой босс, необходимо продолжить сбор информации, задавшись следующим набором вопросов. Можно ли найти «идейные» истоки проекта среди многочисленных предложений «мировых денег» в начале XXI века? Почему на роль «мировых денег» инициаторы проекта в конечном счете выбрали именно SDR (Саркози, к примеру, поначалу предлагал евро), а значит, и МВФ? Когда примерно произошел такой выбор и связан ли он с лоббированием Стросс-Кана (если выбор произошел после его назначения) или же с деятельностью других лиц и их покровителей? Иными словами, мы вплотную подошли непосредственно к предмету нашего исследования – к выявлению властной группи-

ровки, (возможно) стоявшей за проектом «единой глобальной валюты».

Перед нами сразу же возникает *методологический* вопрос: а как **правильно** выявлять властные группировки? Из теории Власти мы знаем, что такие группировки строятся на основе отношений личной преданности, формируемых в течение длительного времени (как у Стросс-Кана с Жоспеном – со студенческой скамьи), и редко афишируемых на публике. Достоверно установить связь «сюзерен – вассал» можно лишь в самых простых случаях (когда сюзерен непосредственно назначает вассала на какую-либо должность в ситуации отсутствия каких бы то ни было ограничений); если же сюзерен действует через посредников, подобные связи можно лишь предполагать, но весьма затруднительно доказать. Как же тогда можно утверждать, что «мы выявили властную группировку»?

На помощь нам приходит то обстоятельство, что помимо внутренних связей, которые группировка может (и должна!) хранить в тайне, существуют еще и *публичные действия,* совершаемые членами группировки в ходе борьбы за те или иные ресурсы. Такие действия члены группировки *вынуждены* согласовывать между собой, и придерживаться в них единой позиции. За счет этого мы всегда можем *приблизительно* очертить круг людей, вовлеченных в совместную деятельность по дележу конкретного ресурса. А дальше на первый план выходит биографический анализ: какие связи про-

слеживаются между этими людьми, какие события в их жизни позволяют заподозрить вассальные отношения, нет ли у них влиятельных, но не «засветившихся» в конкретной операции общих знакомых, и так далее. В случае, если биографическая информация достаточно подробна (как у Квигли в анализе «Круглого стола»[5]), структура властной группировки довольно быстро проступает через нагромождение фактов.

Практик. И самое главное: совершенно невозможно сделать правильные выводы о составе властной группировки на основании рассмотрения «сиюминутной» конфигурации конкретных лиц!

Теоретик. Поэтому мы начнем наш анализ с определения круга людей, *публично* высказывавшихся на тему «единой глобальной валюты» еще до согласованного «вброса» этой идеи в марте 2009 года. Поиск по «single global currency history» выводит на неплохую обзорную статью, которая вместе с уже известной нам позволяет составить краткий перечень событий, относящихся к «мировой валюте». Впервые о такой валюте сильные мира сего *всерьез* заговорили еще в 1943 году, при подготовке Бреттон-Вудской конференции. Международные финансы в то время (разгар Второй мировой войны) находились в весьма шатком состоянии: с трудом

[5] См. Квигли Кэрролл. Англо-американский истеблишмент.

восстановленный в 1922-го (Генуэзская конференция) золотой стандарт не пережил Великую депрессию (Англия вышла из него в 1931 году, США в 1933-м, континентальная Европа в 1936-м), а на смену ему пришли плавающие валютные курсы, регулируемые лишь *неофициальным* «тройственным соглашением» США, Англии и Франции 1936 года. По каким курсам отдавать выданные в ходе войны громадные займы, было совершенно непонятно, так что необходимость хоть о чем-то договориться была ясна всем участникам антигитлеровской коалиции (самого Гитлера по понятным причинам проблемы международных финансов уже не интересовали).

Для окончательного оформления достигнутых договоренностей в июле 1944 года представители 44 стран собрались на Бреттон-Вудскую конференцию. Великобритания и США подготовили к ней два *разных* плана предполагаемой финансовой реформы. Многим известно, что английский план за авторством знаменитого Кейнса как раз и предусматривал создание *единой мировой валюты* – банкора (от английского bank и французского or – золото):

> **Банкор** стал бы единицей расчетов между странами, то есть в банкорах можно было бы измерять дефицит и профицит внешнеторгового баланса той или иной страны. План Кейнса предусматривал, чтобы каждая страна имела некий предел овердрафта на своем банкоровом счету в Международном расчетном союзе – половину среднего торгового оборота за последний пятилетний период. Для того чтобы

обеспечить работоспособность системы, страны-члены союза должны были иметь мощный стимул к тому, чтобы рассчитаться по всем банкоровым счетам к концу года, чтобы не иметь ни задолженности, ни профицита. Но каким был бы этот стимул? Кейнс предложил следующее: страна, накопившая большую задолженность (не менее половины от предельной стоимости овердрафта), начинает платить проценты за пользование счетом. Кроме того, она обязуется девальвировать свою валюту и остановить вывоз капитала. Однако – и в этом заключается главное – Кейнс настоял на том, чтобы под аналогичным давлением были и страны, имеющие большой профицит внешнеторгового баланса. Если страна к концу года имеет профицит величиной более половины от предельной стоимости овердрафта, она также должна платить десятипроцентный сбор за пользование счетом, а также провести ревальвацию своей валюты и стимулировать вывоз капитала [The Guardian, 18 ноября 2008].

Куда менее известно, что и американский проект, за авторством Уайта, тоже предполагал создание мировой валюты, unitas, с той лишь разницей, что ее предлагалось привязать к золоту. Однако в последний момент верх взяли политические соображения:

Не было никаких публичных обсуждений; предложение просто исчезло из повестки дня. «Всякий раз, когда британцы поднимали этот

вопрос [новую мировую валюту], американцы меняли тему разговора», – пишет лорд Роббинс в своем дневнике. Мы можем догадаться, что произошло. Американская делегация потеряла надежду, что положение, включающее в себя мировую валюту, сможет пройти через американский Конгресс и станет разумной политикой в год президентских выборов (1944) [The Guardian, 18 ноября 2008].

Практик. Естественный вывод, очень корреспондирующий с ситуацией после кризиса 1907–1908 годов, созданием ФРС, что международные финансовые элиты не смогли продавить свой план и были вынуждены уступить национальной элите США. Кто возглавлял соответствующие властные группировки в 1944 году, мы частично узнаем ниже (в главе, посвященной Франклину Рузвельту), но результат – налицо. Удивительно, что то же самое противостояние возрождается из года в год на протяжение более юо лет. Отметим, что именно эта живучесть базовых идей и стала причиной появления теории глобальных проектов.

Читатель. А можно ли говорить о том, что аналогичное противостояние происходит и у нас, если под «либералами» понимать тех самых международных финансистов, а под «патриотами» или «силовиками» – национальные элиты?

Практик. При первом приближении – да. Практически нужно понимать, что модели взаимодействия сильно разли-

чаются с учетом того, что у них олигархическое устройство власти, а у нас – монархическое.

Теоретик. В результате уже почти согласованный *финансистами* план не был принят, и в качестве мировой валюты Бреттон-Вудс утвердил хорошо знакомый всем доллар. Банкор оказался забыт на пару десятилетий – до следующего международного финансового кризиса, который, разумеется, не заставил себя долго ждать. Хотя формально «золотой» доллар просуществовал аж до 1971 года, надвигавшийся крах основанной на золоте денежной системы стал очевиден специалистам задолго до этого.

В 1960 году профессор Йельского университета Роберт Триффин сформулировал (в книге «Gold and the Dollar Crisis: The future of convertibility») свой ставший широко известным *парадокс.* Он анализировал дефицит платежного баланса США, возникший после превращения доллара в мировую резервную валюту (фактически – в «бумажное золото»). США перечисляли зарубежным странам намного больше долларов, чем получали от них товаров и инвестиций, увеличивая тем самым внешний долг; Триффин показал, что такая ситуация неизбежна для любой станы, чья национальная валюта одновременно является и мировой:

> Если США устранят платежный дефицит, то международное сообщество лишится основного источника валютных резервов. В результате сократится

ликвидность мировой экономики и она попадет в воронку снижающегося спроса. Но если платежный дефицит США сохранится, то возникающий избыток долларов (dollar glut) подорвет доверие к доллару и сделает невозможным сохранение его статуса резервной валюты [Triffin, 1978].

В качестве решения этой проблемы Триффин предложил то же, что и Кейнс, – создать *международную* расчетную единицу, объем выпуска которой зависел бы от общего размера мировой экономики, а не от золотого запаса или экономического положения отдельной страны. Как видите, идея «мировой валюты» вытаскивается из пыльного ящика каждый раз, когда международная финансовая система оказывается в кризисе (и каждый раз засовывается обратно, когда кризис удается преодолеть другими средствами).

Практик. Отметим, что Триффин озвучил ситуацию публично, но не вызывает сомнений, что участники Бреттон-Вудской конференции отлично эту коллизию понимали еще за 15 с лишним лет до откровения профессора. Просто от многие знания – многие печали, зачем простым людям объяснить про коллизии во власти? Но если доля экономики США в 1944 году составляла более 50 % мировой, то к 1960-му она сократилась примерно до 40 %, и всем было очевидно, что процесс снижения будет продолжаться (сейчас, как мы уже отмечали, она составляет меньше 20 %). Так что фи-

нансисты снова попытались вытащить проблему на свет божий, причем уже с использованием приемов публичной политики.

Теоретик. Не прошло и нескольких лет, как прогноз Триффина стал сбываться. Возрастающие запасы долларов в резервах европейских банков привели к естественному желанию обменять их на что-нибудь более ценное, например на золото. В феврале 1965 года президент Франции Де Голль объявил о намерении конвертировать национальные долларовые резервы в золото и направил в США французский военный флот – для вывоза изрядного количества слитков. Следствием стал резко выросший спрос на золото, и регулировавший его продажу Лондонский пул столкнулся с необходимостью задействовать национальные резервы. Золотой запас основного участника пула – США – за несколько лет уменьшился вдвое, с 20 000 (1958) до 10 000 тонн (1966). Нетрудно было предсказать, чем все в итоге закончится; в марте 1968 года свободная продажа золота по фиксированной цене наконец была прекращена. Цена на вторичном рынке быстро превысила фиксированные 35 долларов за унцию, и из «бумажного золота» доллар превратился в обычную бумажку. Отменив «золотое содержание» доллара в 1971 году, Никсон лишь привел формулировки законов в соответствие с фактическим положением дел: к этому времени уже никто не воспринимал доллар как 1/35 унции золота.

Читатель. Когда я учил экономику, мне всегда объясняли, что США в XX веке дефолтов не объявляли… А то, что вы рассказываете, очень напоминает дефолт…

Практик. Ну, демократия, как всем известно, – это власть демократов. А либерализм – власть финансистов. Вы же либеральную экономическую теорию изучали? Не будут же финансисты в своей собственной теории, руками собственного шлейфа (обычно ученые во властные группировки не входят, за редким исключением) объяснять всем, что они допустили дефолт? Так во Власти не бывает.

Теоретик. Но что же происходило в это время с международными расчетами? Почему предложение столь точно предсказавшего долларовый кризис Триффина не было принято еще в начале 1960-х? Где та мировая валюта, которую он предлагал создать? Почему она до сих пор (57 лет спустя!) остается в планах экономистов, а не лежит в каждом банке, как евро? Можно догадаться, что в очередной раз верх взяли *политические* соображения; но как именно это происходило? Как реагировало международное сообщество на приближающийся крах «золотого» доллара?

Отреагировало оно в полном соответствии с *олигархическим* устройством Власти – созданием *новых организаций,* способных сформулировать новые решения и стать *ресур-*

сом, обеспечивающим их выполнение. В 1962 году десять крупнейших стран Запада (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Бельгия, Канада, Нидерланды, Швеция) подписали кредитное соглашение, создав для МВФ дополнительный финансовый резерв в 6 млрд долларов (при действовавших тогда фиксированных валютных курсах единственным способом «закрыть» платежные дефициты являлся кредит МВФ; так в 1964 году был «спасен» от девальвации фунт стерлингов). Представители образовавшейся «Группы десяти» (Group of Ten) стали регулярно собираться на собственные и совместные с МВФ встречи, чтобы обсуждать дальнейшие шаги по реформе мировых финансов. Поскольку в группу входили все хоть сколько-нибудь влиятельные страны мира (подобно нынешней G20), подготовленные внутри нее решения гарантированно стали бы новыми правилами игры; однако их еще нужно было придумать и согласовать.

В 1963 году у трех американских профессоров – уже знакомого нам Роберта Триффина и его коллеги Уильяма Феллнера из Йеля, а также Фрица Махлупа из Принстона, – возникла идея регулярных международных конференций, на которых *независимые* экономисты представляли бы свои идеи «Группе десяти» (на встречах которой, по понятным причинам, они не могли присутствовать). При поддержке фондов Форда и Рокфеллера Махлупу удалось уже в декабре 1963-го провести первую конференцию в Принстоне,

собрав звездный состав из 32 лучших мировых экономистов. По-видимому, результаты этой встречи очень понравились спонсорам, и следующая конференция состоялась буквально через месяц, в январе 1964 года, в курортном городке Белладжио на озере Комо в Италии. Так в истории мировых финансов появилась Bellagio Group, а у «Группы десяти» – целый набор предложений «от лучших мировых экономистов». Bellagio Group регулярно проводили встречи вплоть до января 1974 года (то есть до окончательного перехода международных расчетов к плавающим валютным курсам).

Между тем кризис в международных расчетах становился все очевиднее, и «Группе десяти» пора было принимать какое-то решение. Как мы уже знаем сегодня, итогами многолетних обсуждений вместо единой мировой валюты стала резервная корзина валют в виде «специальных прав заимствования» (SDR), а затем, когда ее размеры оказались совершенно недостаточными для стабилизации нарастающих дисбалансов, – и переход к плавающим валютным курсам. Но откуда взялась идея «прав заимствования» и почему она оттеснила идею «мировой валюты»?

История обсуждений в «десятке» хорошо задокументирована на официальном сайте МВФ, поэтому мы без труда можем узнать, как все это происходило. Первоначально казалось очевидным, что реформа будет заключаться в переходе к новой резервной валюте (вместо доллара), и нужно лишь определиться, как эта валюта будет создаваться и рас-

пределяться. Вышедший в августе 1964 года доклад группы Bellagio суммировал основные варианты создания резервов:

1. Возврат к золотому стандарту: курс всех валют к золоту становится плавающим, но между собой остается фиксированным и регулируется МВФ с помощью займов в золотом эквиваленте (очевидно, что это мертворожденная идея – какое-нибудь государство все равно начнет печатать свою валюту с такой скоростью, что никаких кредитов МВФ не хватит, и ее придется девальвировать).

2. Новая резервная валюта: ведущие страны соглашаются перевести часть своих валютных резервов в гарантированные МВФ депозиты (обеспеченные, например, золотом), тем самым сокращая требуемое им количество долларов, а значит, и золота (конкретные условия использования таких депозитов еще не были согласованы, но общая идея – задействовать на уровне МВФ «банковский мультипликатор», выпустив на 100 единиц реального золота 100 единиц бумажного, – совершенно понятна).

3. Переход к множеству резервных валют: ведущие страны соглашаются использовать в качестве резервов корзину из валют и золота, что тоже снизит нагрузку на доллар (при фиксированных курсах – совершенно утопическая идея, так как держать в корзине валюты, находящиеся под угрозой девальвации, объективно невыгодно, бегство в золото возможно не только от доллара, но и от любой другой валюты).

4. Отмена фиксированных валютных курсов и золотого содержания доллара (предложение, поддержанное большинством экономистов, но очень неприятное для «десятки», ставившей своей целью «спасение» доллара и системы фиксированных курсов).

Официальные круги «десятки» хорошо понимали недостатки вариантов 1 и 3, но совершенно не были готовы отпускать валюты в свободное плавание (в 1964-м «десятка» как раз занималась «спасением» британского фунта). Оставался единственный выход – создание новой резервной валюты; однако передавать МВФ возможность печатать «бумажное золото» (до сих пор находившуюся в руках ФРС США) американские и британские представители наотрез отказались. Они выдвинули более хитрый план: совместить варианты 2 и 3, создав резервную валюту на основе *корзины валют крупнейших стран мира.* Выпуск такой валюты находился бы в руках стран, формирующих корзину (не дали исходных валют в корзину – не появилось и резервной), и их центробанкам не пришлось бы бояться конкуренции. Новая резервная валюта получила название CRU – composite reserve unit – и именно ее в разных вариантах и обсуждали в 1963–1964 годах официальные лица «десятки».

Как видите, замена «мировых денег» (которые печатает соответствующий международный банк) на «расчетную единицу» (формируемую сложными бюрократическими проце-

дурами) произошла еще в самом начале переговорного процесса по созданию «новой резервной валюты». Тем не менее даже столь безобидная (для доллара) единица еще долго согласовывалась. В июне 1964 года «десяткой» была создана «Исследовательская группа по созданию резервных активов» под руководством директора Банка Италии Ринальдо Оссолы. В мае 1965 года группа представила доклад, лишь перечисливший разные варианты создания «резервов», но не содержавший никаких конкретных рекомендаций. В январе 1966 года американская делегация на саммите «десятки» представила план создания SRDR – «специальных резервных прав заимствования», являвшихся развитием уже упомянутой выше CRU. С ноября 1966 года «десятка» заседала уже в расширенном составе (добавив к постоянным представителям руководителей центробанков, министров финансов, а также чиновников МВФ), проведя к августу 1967 года четыре такие встречи и согласовав огромное количество спорных вопросов. Наконец, в сентябре 1967 года в Рио-де-Жанейро была принята резолюция, фактически создавшая современную «валюту» МВФ – Special Drawing Rights, SDR. Еще два года ушло на согласование технических вопросов (размер и порядок взносов, доли стран и т. д.), и 28 июля 1969 года МВФ наконец утвердил обязательную для всех своих участников поправку к Уставу МВФ, официально создавшую SDR:

> SDR не являются ни валютой, ни требованиями к

> МВФ. Они, скорее, представляют собой потенциальное требование к свободно используемым валютам государств – членов МВФ. Держатели SDR могут получать эти валюты в обмен на свои SDR двумя способами: во-первых, посредством механизма добровольного обмена между государствами-членами; и, во-вторых, посредством назначения МВФ государств-членов с прочными внешними позициями, которые должны покупать SDR у государств-членов со слабыми внешними позициями [IMF, 2 августа 2021].

Точно так же, как безналичный доллар США когда-то (всего лишь 50 лет назад) мог быть обменян на золото, современные SDR могут быть обменяны на любую из международный валют по *официальному* курсу МВФ. Страны – участницы МВФ приняли на себя обязательства поддерживать ликвидность SDR (подобно тому, как правительство США некогда обязалось поддерживать золотой стандарт доллара). Однако, в отличие от доллара, эмиссия SDR возможна лишь с согласия квалифицированного большинства участников МВФ, и почти за 50 лет их существования проводилась лишь трижды – в 1970, 1979 и 2009 годах. В результате SDR так и не стали полноценными *деньгами,* оставшись – как и предлагали США еще в 1964 году – условной расчетной единицей. План Триффина, как и план Кейнса, потерпел неудачу.

Мы уделили истории SDR так много места по двум причинам. Во-первых, она хорошо иллюстрирует скорость, а точ-

нее, *медленность* решения серьезных международных вопросов (понадобилось 5 лет от первых предложений CRU до их воплощения в жизнь). Во-вторых, она прекрасно демонстрирует разницу между «спикерами» (лицами, выступающими с теми или иными проектами) и «функционерами» (лицами, реально готовящими решения). Триффин, Махлуп, Оссола, 32 участника Bellagio Group нам хорошо известны, но их предложения так и остались на бумаге. Авторы проекта SRDR, превратившегося в SDR, давно и прочно забыты, но результаты их невидимой работы до сих пор с нами. Публичность и анонимность тесно связаны с властным статусом: у кого Власть (кто принадлежит к господствующей коалиции), тот способен продавить свою волю административным путем, без какой-либо огласки; а кто лишь *претендует* на Власть, вынужден публично призывать к созданию новых коалиций. Задействовать спикеров – признак слабости, а не силы; но это единственный способ для слабых усилить свои позиции.

Итак, SDR можно интерпретировать как очередное (уже второе после Бреттон-Вудса) *поражение* группировки, выступавшей за создание «мировых денег». В истории SDR эта группировка приобрела знакомые нам (по теории Власти) очертания: для продвижения определенного проекта был сформирован новый ресурс – организация Bellagio Group, ее финансирование обеспечили фонды Форда и Рокфеллера, а публичными лицами стали известные экономисты (прежде

всего Триффин и Махлуп). Конкретный проект группировки – свободно эмитируемая МВФ мировая валюта – не увенчался успехом, и в 1974 году Bellagio Group прекратила существование. Но означает ли это, что стоявшая за ней группировка (на первый взгляд международная, но использовавшая в своих интересах американские фонды Рокфеллера и Форда) отказалась от своих планов?

Читатель. Представляю, как можно было бы конспирологически обыграть эту ситуацию: Ротшильды победили Рокфеллеров!

Практик. Или «черный интернационал» Ватикана победил евреев-банкиров! Вариантов тут много, из-за чего нам и нужно так тщательно изучать документы. В реальности мы имеем вполне понятный международный процесс, причем практически полностью, в содержательном виде, во всяком случае, повторяющий аналогичный процесс, произошедший в начале XX века в США. Да что там в начале века, аналогичные процессы происходят в любых странах при попытке продавить спорный законопроект, любой депутат или лоббист вам это подтвердит. И конспирологии в них нет ни на йоту.

Теоретик. В теории Власти известно, что в условиях олигархии правильной реакцией на поражение является созда-

ние еще более сильной коалиции. Для этого нужно задействовать новых спикеров, привлекая с их помощью дополнительных сторонников. Проявлять такую активность приходится именно *проигравшей* группировке – победившая не нуждается в агрессивной рекламе своего господствующего положения. Происходило ли что-нибудь подобное после истории с SDR? Подтверждают ли дальнейшие события наше предположение о существовании группировки, ведущей *долгосрочную* игру по созданию «мировых денег»?

Вооружившись двумя уже упомянутыми статьями[6] и добавив к ним вышедшую в 2006 году монографию, целиком посвященную истории «единой мировой валюты»[7], можно составить достаточно подробную хронологию дальнейших событий. Уже на следующий год после создания SDR член Bellagio Group и будущий (1999) лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Манделл выступил перед Экономическим комитетом Конгресса США с презентацией «План мировой валюты», в которой недвусмысленно заявил: «Мы должны создать новую мировую валюту». Призывами к конгрессменам Манделл не ограничился и в период с 1971 по 1977 год регулярно собирал международные конференции, посвященные мировым финансам в своем замке Villa Santa

---

[6] «Финансовый кризис: Гордон Браун призывает к „новому Бреттон-Вудсу“» и «Финансовый Новый Мир: путь к глобальной валюте и мировому правительству».

[7] Morrison Bonpasse. The Single Global Currency – Common Cents for the World.

Colomba неподалеку от Сиены (Италия).

В 1970 году по поводу мировой валюты и выпускающего ее мирового Центробанка высказался Уильям Мартин, руководивший ФРС США с 1951 по 1970 год. В своей лекции, опубликованной позднее в виде брошюры, «На пути к Мировому центральному банку», он обрисовал основные функции будущего мирового ЦБ и выразил уверенность, что его создание уже не за горами. В 1976-м идею «мирового Центробанка» поддержал влиятельный в те годы Римский клуб: в третьем докладе Клуба, Reshaping the International Order, его автор, голландский экономист и нобелевский лауреат Ян Тинберген, обосновал появление World Treasury Agency, создание которого могло бы стать ответом на глобальный финансовый кризис.

В 1984-м году идею «мирового Центробанка» конкретизировал гарвардский профессор экономики (успевший, помимо прочих государственных должностей, в течение одного дня побывать госсекретарем США) Ричард Купер. В своем выступлении на конференции Федерального резервного банка Бостона он предложил создать общую валюту для всех индустриально развитых демократий с единой денежной политикой, проводимой совместным Эмиссионным банком (Bank of Issue). Прекрасно понимая сложность продвижения столь масштабной реформы, Купер отводил на ее реализацию 25 лет, относя появление Bank of Issue на 2010 год. Предложение было довольно благосклонно встречено други-

ми участниками конференции, а летом 1984 года статью Купера под названием «Денежная система будущего» опубликовал влиятельный журнал Foreing Affairs (публичный орган небезызвестного Совета по международным отношениям, CFR, который среди конспирологов принято считать «мировым правительством»). Любопытно, что уже после этого выступления, в 1990–1992 году Купер занимал должность председателя Федерального резервного банка Бостона; как видите, приверженность идеям «мировой валюты» ничуть не мешала карьере в ФРС США, занимавшейся эмиссией американского доллара.

В 1987 году свой скромный вклад в продвижение идей «мирового Центробанка» внес еще относительно малоизвестный миллиардер Джордж Сорос («атака на фунт», сделавшая его знаменитым, состоялась только в 1992 году). В своей книге «Алхимия финансов» он выдвинул новаторское предложение: создать единую мировую валюту, обеспеченную нефтью. Сорос пишет, что впервые такая идея возникла у него еще в 1982 году, но тогда ни один журнал не принял его статью к публикации, поэтому он включил ее в состав книги. Сорос подробно объясняет, как следует сформировать резервный запас нефти, как выделять квоты на ее потребление и как на основе такого «мирового Госплана» легко может быть создана единая мировая валюта. Предложение Сороса не снискало особой популярности (напомним, в те годы он был обычным миллиардером, а вовсе не главным

финансистом всех «оранжевых революций»), однако в свете дальнейших событий упомянуть его просто необходимо.

Читатель. Какие же они оказались упорные!

Теоретик. Подождите, то ли еще будет! В 1988 году очередной номер журнала The Economist выходит с обложкой Get ready for the world currency; на страницах 9–10 содержится редакционная статья, предсказывающая появление единой мировой валюты (под названием Phoenix) к 2018 году. Поводом к появлению статьи становится очередной «кризис» – «черный понедельник» 19 октября 1987 года, когда фондовый индекс Доу-Джонса обвалился за один день сразу на 22 %. Чтобы избежать в дальнейшем подобных (или еще худших) кризисов, редакция Economist предлагает национальным государствам поступиться денежной независимостью и перейти к единой мировой валюте, «фениксу». Выпускать этот феникс предлагалось новому центральному банку, созданному предположительно на основе МВФ, а переход с доллара на феникс – производить эволюционным путем, как на самую надежную и защищенную от инфляции валюту.

Практик. Обратите внимание: любой повод используется для того, чтобы добиться результата. Это как раз показатель высокоорганизованной властной группировки (или даже со-

гласованная работа нескольких таких группировок), которая внимательно следит за ситуацией в мире и способна запустить соответствующие сигналы с самых разных сторон.

Теоретик. Несмотря на влиятельность The Economist, пророчество о «фениксе», попирающем доллар, не получило широкой поддержки, и больше 10 лет о мировой валюте всерьез никто не вспоминал. Это и естественно, «западная» экономика получила мощный ресурс за счет ограбления бывшего СССР. Но к концу 1990-х этот ресурс закончился, и новый цикл продвижения «единых денег» начался в январе 2000 года, когда в своей колонке в International Herald Tribune финансовый тяжеловес Пол Волкер (главный архитектор политики «рейганомики») заявил: «Если у нас действительно глобальная экономика, единая мировая валюта имеет смысл». Цитата тут же разошлась по многочисленным пересказам, трансформировавшись в конечном счете в более короткий и куда более безапелляционный вариант: «Глобальная экономика требует глобальной валюты».

Уже в ноябре 2000 года МВФ провел конференцию «Один мир, одна валюта: цель или заблуждение?» с участием недавно ставшего нобелевским лауреатом Манделла. Обсуждение желательности (или нежелательности) единой валюты на столь высоком уровне означало возврат темы в повестку дня и послужило сигналом всем ее сторонникам. Но настоящий старт новой кампании состоялся четырьмя годами позже.

3 августа 2004 года в британской газете Financial Times была опубликована колонка Мартина Вулфа (не знаменитого, а просто достаточно известного журналиста, шеф-редактора экономического отдела) «We need a global currency». Повторив старый как мир аргумент про нестабильность, неизбежно вытекающую из наличия многочисленных валют, Вулф выразил надежду, что его дети или даже внуки будут жить – нет, не при коммунизме, но с единой мировой валютой, которая решит наконец проблему «валютных кризисов». По-видимому, колонка не осталась незамеченной среди экономистов – не прошло и трех недель, как (23 августа) Вулфу ответил известный американский экономист Нуриэль Рубини. В своем комментарии «Единая мировая валюта? Ни в ближайшее время, ни в долгосрочной перспективе, в которой мы все умрем» в блоге на EconoMonitor он сформулировал целых восемь возражений против «глобальной валюты», сводящихся в сущности к одному: введение единой валюты ничуть не помешает правительствам создавать бюджетные дефициты и набирать безнадежные долги, а инвесторам – маниакально тащить деньги на перспективные рынки и панически забирать их с проблемных. Поэтому «глобальная валюта» сама по себе никакой проблемы не решит, следующим шагом неизбежно станет и политическое объединение всего мира в одну страну с единым законодательством.

Практик. Очень интересный момент! Дело в том, что че-

рез несколько лет (после кризиса 2007–2008 годов) пресса США активно начнет раскручивать Рубини как «предсказателя» кризиса. Если учесть, что он выступал против планов «мировой валюты», может быть, он как раз представляет часть экономического истеблишмента США, который ориентируется на американских «патриотов» (условно, будущих «трампистов»)?

Теоретик. Фактически Рубини открытым текстом изложил реальные планы сторонников «мировой валюты» (напомним, что создание единой европейской расчетной валюты в 1979 году привело к появлению в 1992 году фактически единой страны – Евросоюза – с общим законодательством). Однако сам факт, что ему зачем-то понадобилось публично высказать эту точку зрения, наводит на мысль о серьезности ситуации в подковерной борьбе вокруг «единых денег». Дальнейшие события, на наш взгляд, подтверждают это предположение.

В 2006 году выходит в свет и становится бестселлером (2 млн экземпляров) книга нобелевского лауреата по экономике (2001 год, за асимметричные рынки, вместе с Акерлофом и Спенсом) Джозефа Стиглица «Making Globalization Work». В девятой главе, посвященной реформе мировых финансов, критикуются недостатки доллара как резервной валюты («Долларовая система, возможно, не единственный источник финансовой нестабильности…» – ну как же без

«нестабильности») и предлагается создание новой мировой резервной системы, выпускающей «global greenback», направляемый (ну конечно же) на решения проблем беднейших стран мира.

1 мая 2007 года влиятельный журнал Foreign Affairs публикует короткую статью Бена Стейла, директора отдела международной экономики в небезызвестном американском Совете по международным отношениям. Статья носит название «The End of National Currency» (в единственном числе) и посвящена судьбе американского доллара. Пользуясь достаточно осторожными формулировками (про «мировую валюту» – ни слова), Стейл констатирует ближайшие перспективы мировых финансов: постепенный отказ разных стран от национальных валют, которые не востребованы в международной торговле, и переход на общие валюты, такие как евро или обсуждавшуюся в те годы паназиатскую валюту. В конечном счете это и приведет к концу доллара как национальной валюты: коль скоро им начнут пользоваться многие страны, эмитенту доллара придется учитывать их интересы. Иначе, недвусмысленно намекает Стейл, «мировой рынок найдет себе другие деньги». Конспирологически настроенные комментаторы склонны считать Стейла (как и весь Совет по международным отношениям) сторонником «мировых денег», однако, на наш взгляд, он скорее предупреждает противоположную группировку: «мировые деньги» на подходе, надо что-то делать!

Практик. Напомню, весна 2007 года – это буквально несколько месяцев до так называемого кризиса subprime-ипотеки, который плавно перешел в кризис 20°8 года, который, в свою очередь, не закончился до сегодняшнего дня, более того, он, с точки зрения новой экономической теории, разработанной О. Григорьевым, М. Хазиным, А. Кобяковым и др., только начинается. И в этой ситуации все властные группировки, как те, которые «за», так и те, которые «против», резко активизировали свои усилия.

А между тем, группировка «мировых денег» от публичных призывов переходит к реальным действиям. Как мы помним, *7* июля 2007 года Саркози номинирует Стросс-Кана на пост директора МВФ. В июне 20°8-го на должность директора Генеральной Ассамблеи ООН избирается никарагуанец Мигель д'Эското Брокман (видный деятель сандинистского фронта национального освобождения, священник, лишенный сана одним римским папой и восстановленный в нем другим, называвший Рейгана «мясником никарагуанского народа» за поддержку диктатора Сомосы). В октябре 20°8-го д'Эското Брокман создает специальную комиссию ООН «Experts of the President of the UN General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System»[8] назначая ее руководителем уже знакомого нам Стиглица. В

[8] Комиссия экспертов председателя Генеральной Ассамблеи ООН по реформам международной валютно-финансовой системы.

сентябре 2008 года о необходимости «нового Бреттон-Вудса» заявляет Саркози, в октябре – Гордон Браун; а уже в ноябре по их инициативе в Вашингтоне проходит экстренный саммит «Большой двадцатки», на котором согласовывается принципиальное решение о необходимости реформы МВФ (как мы помним, западные СМИ даже называли этот саммит «Бреттон-Вудс 2»). И, наконец, в марте 2009 года Россия, Китай и комиссия Стиглица согласованно призывают к созданию «глобальной резервной системы» на основе МВФ и SDR:

> Для решения проблемы [экономических кризисов] новая **Глобальная резервная система** – которая может представлять собой существенно расширенные SDR, с регулярной или циклической их эмиссией… – может обеспечить финансовую стабильность, экономический рост и глобальное равенство… Также необходимы значительные реформы международных финансовых организаций [МВФ], обеспечивающие большее участие развивающихся стран и большую прозрачность управления [Stiglitz, 2010].

Серьезность готовившейся реформы была косвенно подтверждена в том же марте 2009 года, когда министр финансов США Тимоти Гайтнер заявил на заседании Совета по международным отношениям, что «мы вполне открыты китайским предложениям по созданию глобальной валюты». Финансовые рынки отреагировали резким падением долла-

ра, и президенту США Бараку Обаме пришлось лично высказаться по этому вопросу: «Я не думаю, что нам нужна глобальная валюта».

Читатель. Не понял. Министр финансов США говорит «мы открыты», а его начальник дезавуирует его слова? Гайтнер не боялся, что его уволят?

Практик. Напомню, что семья Клинтонов является ставленником финансистов (то есть входит в соответствующую властную группировку, не в качестве верховных сюзеренов, конечно), это, в общем, всем известно и под сомнение не ставится. Так вот, в 1992 году Дж. Буш-старший проиграл президентские выборы Биллу Клинтону, а в 2001 году Дж. Буш-младший назначил на ключевое место министра финансов Пола О'Нила, который сменил уже известного нам Ларри Саммерса.

Но О'Нил недолго пробыл министром, довольно скоро, еще во время первого срока Буша-младшего, его уволили с неофициальной формулировкой «за то, что недостаточно учитывал мнение финансовой элиты США». Дело в том, что, в Соединенных Штатах, как, к слову, и в России, некоторые должности традиционно находятся под контролем тех или иных элитных групп, поэтому их представители открыто защищают именно групповые интересы, вопреки мнению своего непосредственного руководства. Буш-младший нарушил

это правило, и довольно быстро ему пришлось отступить.

Судя по всему, и О'Нил, и Рубини, и даже Обама (который, как известно, достаточно неожиданно победил Хилари Клинтон на президентских выборах) не входят в финансовые властные группировки, в отличие от Саммерса и Гайтнера.

Теоретик. К этому времени реформа МВФ в направлении «больше голосов развивающимся странами», согласованная на саммите G20 в ноябре 2008 года, проходит стадию подготовки документов; состоявшийся через неделю после призывов к «глобальной валюте» лондонский саммит G20 увеличивает резервы МВФ до 75° млрд долларов и решает провести (впервые за многие годы) новую эмиссию SDR на сумму 250 млрд долларов. В финальной версии отчета комиссии Стиглица, вышедшей в сентябре 2009-го, регулярная эмиссия SDR считается уже решенным вопросом, и речь идет лишь об упрощении ее порядка и годовых объемах. Сегодня, когда мы уже знаем, что никаких «мировых денег» в результате так и не получилось, может показаться, что все эти действия не имели особого смысла; однако на тот момент все выглядело так, будто переход на мировую валюту случится в ближайшие несколько лет.

В ноябре 2010 года МВФ согласует, а в декабре одобряет план реформы управления, перераспределяющий квоты в пользу развивающихся стран (прежде всего Китая). В феврале 2011 года директор МВФ Стросс-Кан выступает

с серией заявлений, включая официальную публикацию от имени МВФ, призывая расширить условия использования SDR вплоть до установки в них международных цен на товары, услуги и финансовые активы. В том же году к майскому саммиту «Большой двадцатки» группа экономистов Колумбийского и Пекинского финансово-экономического университетов выпускает совместное «Скромное предложение для G20», в котором вновь призывает к регулярной эмиссии SDR и увеличению их роли в мировой экономике. Все идет к тому, что на саммите G20 в Довиле (26–27 мая 2011 года) будут приняты очередные решения, **делающие создание мировой валюты неизбежным.**

И когда в **такой** ситуации на запястьях директора МВФ защелкиваются наручники, вопрос: «За что подставили Доминика Стросс-Кана»? становится совершенно риторическим. Впору задавать совсем другой вопрос: а почему **без этого нельзя было обойтись?** Ведь по уставу МВФ делегация США имеет право вето (вопросы о перераспределении квот решаются 85 % голосов, а США контролирует 16,52 %), поэтому способна заблокировать любое решение, посягающее на глобальную монополию доллара. Неужели группировка, решившаяся на арест Стросс-Кана, *не была уверена в своем контроле над американскими чиновниками МВФ?!*

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно наконец выяснить, кто стоял за многолетней и блестяще организованной кам-

панией по продвижению «мировых денег».

Если среди многочисленных спикеров, призывавших к практическим шагам по созданию «глобальной валюты», выделить наиболее именитых, получится следующий «шортлист»: Волкер, Вулф, Стиглиц. Бывший руководитель ФРС США, помогавший проводить в жизнь «рейганомику», обозреватель крупнейшей финансовой газеты мира, лауреат Нобелевской премии по экономике – каждый наверняка входит в топ-100 самых влиятельных людей планеты. Кто же способен координировать действия столь знаменитых и самостоятельных персонажей?

Запрос в «Гугле» «martin wolf joseph stiglitz paul volcker» выводит на список спикеров (любопытное совпадение) INET – Института нового экономического мышления, созданного в 2009 году Джорджем Соросом (выделившим институту основной бюджет – по 5 млн долларов в год в течение 10 лет), Полом Волкером и Дэвидом Рокфеллером, при участии других фондов. Через несколько дополнительных запросов выясняется, что активнее других пиаривший «новую резервную систему» Стиглиц является личным другом Сороса, а Волкер написал предисловие ко второму изданию «Алхимии финансов». Репутация Сороса (главного финансиста «оранжевых революций» и автора книги по реформе глобального капитализма) настолько одиозна, что появление рядом с ним персонажа любого уровня сразу же формирует подозрения: «XXX – подручный Сороса». Разумеется, мы не стра-

даем конспирологией такого масштаба, но было бы глупо отрицать факты тесной связи ведущих спикеров «глобальной валюты» с Соросом. Если же вспомнить, что он еще в 1980-х предлагал мировую валюту обеспеченную нефтью, а в интервью Financial Times 23 октября 2009 года прямо заявлял: «Нам требуется новая валютная система, и SDR могут стать такой», то у нас есть достаточный повод присмотреться к Соросу повнимательнее.

Его официальная биография представляет собой готовую рекламу американской мечты. Еврейский мальчик из Будапешта, чудом избежавший гибели в гитлеровских лагерях смерти, эмигрирует в Лондон, упорно учится, одновременно работая проводником поезда, затем переезжает в Америку, где устраивается в малоизвестный банк и получает опыт работы с ценными бумагами. Затем основывает собственный фонд и благодаря гениальному уму и философии Карла Поппера показывает лучшую в мире доходность. Уже став миллиардером и живой легендой, Сорос производит знаменитую «атаку на фунт» 1992 года, зарабатывая миллиард в течение одного дня, создает Open Society (в честь «Открытого общества», книги Поппера), занимающуюся поддержкой демократии во всем мире, и превращается в главного мирового филантропа и спонсора «бархатных революций». Заработав миллиарды, нищий будапештский мальчик делится ими с такими же, как он сам, открывая другим путь в светлое будущее. Прекрасная история, воодушевляющая нас на еще бо-

лее упорный труд в офисе.

Читатель. Ну, после прочтения первого тома этой книги я уверен, что все было не совсем так, чтобы не сказать, совсем не так!

Теоретик. Реальная жизнь Сороса, разумеется, далека от лубочной картинки гения-одиночки. Происходил он из довольно обеспеченной семьи, успешно скрывшей от нацистов свое еврейское происхождение. Учился не где-нибудь, а в Лондонской школе экономики (как и уже знакомые нам Манделл и Волкер), по престижности не уступающей Оксфорду и Кембриджу. Работал (начиная с 1954 года) по одной и той же специальности (арбитражная торговля, дешево покупать на одном рынке и продавать дороже на другом) в нескольких финансовых организациях, сначала в Англии, потом в США. Уже в 1959-м планировал скопить со своих доходов 500 тысяч (тогдашних!) долларов, чтобы спокойно заняться философией. С 1963 по 1966 год работал главным образом над своей диссертацией, числясь вице-президентом Arnhold and S. Bleichroeder – нью-йоркского инвестбанка, известного тесными контактами с Ротшильдами. «Собственный» фонд (Double Eagle) Сорос основал в 1969 году с 250 тысячами своих долларов и то ли с 4, то ли с 6 млн долларов от неизвестных до недавнего времени «богатых европейских партнеров». Фонд был изначально зарегистрирован не в

США, а на офшорной территории (в Кюрасао, на Нидерландских Антильских островах) и работал не с американскими, а с международными активами и инвесторами (так что называть Сороса «американским» миллиардером не совсем правильно). В 1973 году фонд был переименован в Soros Fund, а в 1979-м в Quantum Fund, под этим названием он и вошел в историю.

В 1970-е фондовый рынок США находился в глубокой стагнации, поэтому фонд Сороса зарабатывал деньги куда более надежным способом: на инсайдерской информации. Располагая надежными «европейскими партнерами» (да еще управляя их деньгами), грех не использовать имеющуюся у них информацию; отсюда и появился на свет принцип Сороса «если ты прав, позиция не бывает слишком большой». За счет постоянной «правоты» Сороса в позициях доходность Quantum достигала 40 % годовых, и только когда размер управляемого капитала стал слишком большим, снизилась до сопоставимой с другими фондами.

Управлял всеми этими вложениями еще один легендарный финансист, Стэнли Дракенмиллер, работавший на Сороса с 1988 по 2000 год и завершивший свою карьеру в момент краха «пузыря доткомов». Однако на этом этапе основной интерес Сороса сместился с финансовых спекуляций на другую, куда более увлекательную тему. Начиная с 1984 года (создание в Венгрии первого «фонда Сороса») «финансовый гений» занялся общественно-политической деятельностью.

История Сороса-политика не столь известна, как история Сороса-финансиста, но повторяет ее с удивительной точностью. Стартовав в 1984 году с создания благотворительного фонда в Венгрии, Сорос развернул широкую сеть аналогичных фондов по всему миру (в РФ фонд «Открытое общество» официально работал с 1993 по 2003 год, а в 2015-м удостоился чести быть признанным «нежелательной организацией»). Повсюду его фонды занимались одним и тем же – отбором инициативной молодежи, содействием ее образованию (часто с выездом в Европу или в США) и формированию правильных убеждений (леволиберального толка). Молодежь быстро растет, и когда через 10 лет после официального создания Open Society Institute (1993) по странам бывшего СССР прокатилась волна «оранжевых революций», выяснилось, что среди их организаторов и участников в изобилии имелись «ученики Сороса». Так к концу «нулевых» Сорос из финансового гения превратился в главного спонсора революций, играющего важную роль в международной политике. Однако настоящий расцвет Сороса-политика, сделавший его «врагом номер один» уже не для правительств «третьего мира», а для самих американцев, пришелся на его деятельность в США в начале 2000 – середине 2010 годов.

В 2006 году в США вышла (и стала бестселлером) очередная книга консервативного писателя Дэвида Горовица «The Shadow Party»[9]. В ней рассказывалось о закулисных

[9] David Horowitz. The Shadow Party: How George Soros, Hillary Clinton, and

причинах возвышения «радикальных активистов» внутри Демократической партии США. Первым шагом к расцвету «активизма» стал закон 2002 года (предложенный небезызвестным Маккейном и малоизвестным Фейнгольдом) о финансировании предвыборных кампаний, ограничивший прямое финансирование кандидатов со стороны партий и общественных организаций смешной суммой в 25 тысяч долларов. Если до 2002 года партии могли собирать членские взносы, а потом направлять крупные суммы нужным кандидатам, то после принятия закона Маккейна-Фейнгольда кандидаты должны были каждый раз собирать средства самостоятельно (с частных лиц, не более 2000 долларов, и с «комитетов политических действий», не более 5000 долларов). Поначалу закону обрадовались республиканцы, традиционно пользовавшиеся большей поддержкой частных лиц, однако в игру вступил уже известный нам Сорос. По своему обыкновению, он начал финансировать разнообразные общественные организации (например, выделил 10 млн долларов вновь созданной организации ACT – America Coming Together, прям-таки копия российских «Идущих вместе», созданных в 2000 году), объединяющие политических активистов.

Стратегия Сороса была предельно проста: покрыть США сетью «комитетов политических действий», выступающих с разными громкими инициативами и под шумок перераспре-

---

Sixties Radicals Seized Control of the Democratic Party.

деляющих полученные денежки нужным кандидатам. Частное лицо может пожертвовать деньги одному, второму, ну пусть даже третьему политику – и все; комитет, чей руководитель получает денежки от спонсора, будет поддерживать столько кандидатов, сколько скажут. Именно эту сеть низовых организаций («527 organizations», по статистическому коду 527, означающему право спонсировать выборы), координируемую ACT и еще шестью подобными крупными движениями, Горовиц и назвал «теневой демократической партией». Платить членские взносы в саму Демократическую партию больше не имело смысла: их нельзя будет потратить на нужного кандидата. А вот пожертвовать круглую сумму одной из соросовских организаций – означало запустить кампанию поддержки «своего» кандидата по всей Америке. Так технология, отработанная в странах «третьего мира» времен «оранжевых революций», была успешно перенесена на американскую землю.

Хотя к 2004 году Сорос с партнерами (разумеется, создаваемые организации финансировались не одним Соросом, иначе их ангажированность была бы слишком очевидной) создали целых семь общеамериканских организаций «политического действия», выиграть выборы 2004 года демократам не удалось. «Машина активизма» сработала на полную мощность только в 2008 году, обеспечив победу Бараку Обаме.

Читатель. Как же так, мы только что, несколькими страницами выше, выяснили, что Обама боролся против Клинтон, а тут – его поддерживает Сорос, который явно включен в финансовую элиту и стоит за мировую валюту?

Практик. А **Теоретик** уже дал соответствующий намек, когда сказал о том, что Сорос – левый либерал, что явно отличается от идеологии традиционных банкиров, которые в основном правые либералы. Ответ тут в том, что конкуренцию разных властных группировок никто не отменял, и в одних вопросах они могут выступать вместе, а в других – бороться друг с другом. Обама стал президентом в результате сложного (и конкурентного) консенсуса финансистов, и только потом выяснилось, что в некоторых вопросах, в частности, единой мировой валюты, он сумел создать альтернативную финансистам коалицию. Для примера: представим себе, что социологические службы с уверенностью сказали, что Х. Клинтон победить представителя Республиканской партии (Дж. Маккейна) не сможет.

Ну или еще один вариант: а если предположить, что Обама (кстати, как и Киссинджер) является вассалом другой финансовой группировки, например Ротшильдов (которые, скорее всего, вообще другой глобальный проект, не «Западный»)? Тогда, если сюзерены Обамы вели грамотную политику, они вполне могли бы провести его на высшие административные позиции в США.

Теоретик. Горовиц подвел итог этих выборов новой статьей, позднее оформленной в виде книги – «The Shadow Party and The Shadow Government». В ней он утверждает, что избрание Обамы стало «реализацией мечты Сороса о своем человеке в Белом доме», и перечисляет связи приближенных Обамы с фондами «теневой партии», а значит, и с Соросом. Так, «людьми Сороса», в смысле «получавшими соросовские денежки», оказались и руководитель избирательной кампании Обамы Дэвид Аксельрод, и директор по энергии и климату Кэрол Браунер, и член президентского совета по восстановлению экономики Анна Бургер (председателем этого совета являлся уже хорошо известный нам Пол Волкер). Действия обамовской администрации (государственное стимулирование экономики, реформа здравоохранения, «зеленая энергетика») находились вполне в русле «левой» программы Сороса по ограничению свободы конкуренции и увеличению государственного регулирования. Как видите, версия Горовица о «теневом правительстве» подтверждается по меньшей мере несколькими фактами, и влияние Сороса в Демократической партии и даже правительстве Обамы не вызывает особых сомнений.

Возникает закономерный вопрос: а кто позволил пусть даже миллиардеру, но далеко не «образцовому американцу» Соросу получить такое влияние в одной из старейших американских партий? Почему он был «на равных» принят

в высшие круги американского истеблишмента (участвуя в финансировании некоторых проектов совместно с Рокфеллерами)? Нет ли в его биографии свидетельств о тесных контактах с еще более значимыми лицами, чьи глобальные проекты он и продвигал через свои многочисленные организации?

«Богатые европейцы», внесшие первые деньги в соросовский Double Eagle, долгое время оставались неназванными. Только в 2011 году видный журналист-международник Арно де Борхгрейв в своем интервью The Washington Times приоткрыл тайну происхождения соросовских денег:

> К числу таких советников относился Джордж Карлвайс, мозговой центр ротшильдовского Banque Privee… его лучшей инвестицией стал Джордж Сорос и запуск его Quantum Fund в 1969 году [Borchgrave, The Washington Times, 2 мая 2011].

Как только имя «Ротшильд» было названо, связи Сороса с соответствующими финансовыми кругами стали обнаруживаться на каждом шагу. Выяснилось, что в 1970-е его партнером и консультантом по европейским ценным бумагам был Нильс Таубе, впоследствии – управляющий в ротшильдовском RIT Capital. Среди членов совета директоров Quantum обнаружился (входящий в него с 1986 года) Ричард Кац, одновременно работавший директором N. M. Rothschild and Sons Limited (1977–1993). Другим членом совета директоров Quantum оказался еще более известный

финансовый деятель Эдгар де Пиччиотто, основатель швейцарского Union Bancaire Privee. Пиччиотто получил публичную известность в ходе расследования аферы Бернарда Мейдоффа, в финансовую пирамиду которого он инвестировал совместно со своим другом Эдмондом Сафрой (который, в свою очередь, был соучредителем небезызвестного в России Hermitage Билла Браудера).

Таким образом, миллиарды Сороса (как и любые миллиарды в реальном мире) обязаны своим происхождением усилиям многих неординарных людей, тесно связанных с европейскими банковскими кругами. Для «внутреннего круга» американской элиты Сорос был вовсе не нуворишем, а младшим партнером весьма уважаемых людей, со вполне понятными и, с точки зрения элиты, правильными источниками происхождения богатства. Такому человеку можно было доверить создание «теневой демократической партии».

Практик. Теперь конспирологи могут смело сказать, что «Ротшильды» боролись против «Рокфеллеров» на первом этапе создания мировой валюты из-за того, что не контролировали сам процесс, а как только стало понятно, что они (через Сороса) в этот процесс все-таки влезли, то тут же согласились признать факт борьбы. В реальности, конечно, так просто взаимодействие властных группировок объяснить невозможно.

Теоретик. А теперь вернемся к нашей основной теме. Если Сорос пользовался поддержкой части американской элиты в ходе **президентских** выборов – не логично ли предположить, что он мог рассчитывать на аналогичную поддержку и в другой своей затее, реформе мировых финансов? Тем более если такая реформа была не его личной инициативой, а претворялась в жизнь долгие годы по инициативе хорошо известных во всем мире европейских банкиров (среди которых Ротшильды лишь наиболее «раскрученная» фамилия)? Если дела действительно обстояли так, то проект «глобальной валюты» к 2011-му **был очень близок к успеху!**

Тогда вполне понятно, почему противники этого проекта прибегли к экстраординарным мерам. Непонятным становится другое – а откуда они вообще взялись, эти противники?! Ведь коалиция «европейских банкиров» контролировала, казалось, все мировые центры Власти, начиная с поднимающейся с колен России и заканчивая американским Белым домом?

Практик. Ну отдельных персонажей, которые «против», мы уже видели. И, исходя из нашей концепции Власти, мы понимаем, что за ними стояли куда более сильные фигуры, которые просто не спешили выходить в публичное поле. И, главное, не стоит забывать, что игра ведется не в логике «этот хороший, а этот плохой», а в логике: эти ресурсы нельзя отдать чужим!

Теоретик. Как мы уже знаем, «китайское предложение» по переходу с доллара на SDR было пусть и не сразу, но весьма решительно отвергнуто высшими чиновниками американского государства. 25 марта 2009 года Барак Обама, Тимоти Гайтнер и Бен Бернанке единым фронтом выступили в защиту доллара (**Читатель,** смотрите, дисциплина все-таки сыграла свою роль), заявив на слушаниях в Конгрессе: «Мы категорически отвергаем переход к глобальной валюте, предложенный Китаем». Воспользуемся уже сработавшим на сторонниках «глобальной валюты» методом и изучим контакты «спикеров» противоположной группировки: Гайтнера и Бернанке (Обама выпадает из этого списка, поскольку у президента США немного другая работа). Еще одним вероятным спикером будет Нуриэль Рубини, очень уж быстро ответивший в свое время Мартину Вулфу.

Связь Рубини и Гайтнера обнаруживается с первых же запросов в «Гугле»: Рубини работал советником Гайтнера, когда тот был министром финансов, и во многих источниках упоминается как его «протеже». Бернанке и Гайтнер выступали «единым фронтом» в борьбе с «величайшей рецессией» 20°8 года. Весной 2009-го они были заняты куда более важной задачей, чем какая-то там «мировая валюта»: им приходилось спасать американскую банковскую систему, практически уничтоженную экономическим кризисом. Гайтнер подготовил программу TARP, выделившую круп-

нейшим банкам стабилизационные кредиты на сотни миллиардов долларов. Разумеется, раздача таких денег вызвала многочисленные обвинения в коррупции (вплоть до движения «Occupy Wall Street»); в 2018 году Бернанке и Гейтнер ответили на них, выпустив в соавторстве с Генри Полсоном книгу об экономическом кризисе 20°8 года «Firefighting: The Financial Crisis and Its Lessons».

Генри Полсон был министром финансов США в 2006–2009 годах (а затем передал пост непосредственно Тимоти Гайтнеру). На этой должности его критиковали за явный конфликт интересов: осуществляя в 2008 году первый пакет помощи американским банкам («план Полсона»), он одновременно являлся партнером (то есть фактически совладельцем) одного из этих банков – Goldman Sachs (в котором работал почти всю свою жизнь, с 1974 по 1998 год). В кризис 20°8 года крупные конкуренты Goldman Sachs потерпели крах (Lehman Brothers обанкротился, Merril Lynch был продан Bank of America), а сам Goldman Sachs остался на плаву, так что обвинения имели под собой определенные основания.

А чьим «партнером» был Тимоти Гайтнер? Свой трудовой путь он начал в Kissinger Associates Inc., откуда перебрался прямиком в аппарат федерального правительства, работая на разных секретарских должностях в сфере международных отношений. В 1998–1999 годах его начальником в Министерстве финансов был Роберт Рубин, партнер

Goldman Sachs (с 1971 года), президент Citigroup (в 2007 году), сопредседатель рокфеллеровского Совета по международным отношениям. Приглянуться человеку такого масштаба – значит обеспечить себе долгосрочную карьеру; вот как описывает влияние Роберта Рубина на экономическую политику США Джеймс Рикардс в своей книге «The Death of Money» (2014):

> Липтон – один из многочисленных протеже Роберта Рубина, к которым также относятся Тимоти Гайтнер, Джек Лью, Майкл Фроман, Ларри Саммерс и Гэри Генслер. Эти люди годами контролировали экономическую стратегию США на международной арене. Роберт Рубин был министром финансов с 1995 по 1999 год, проработав несколько лет в Белом доме Клинтона директором Национального экономического совета. До прихода в правительство США Рубин был сопредседателем Goldman Sachs; он работал в Citigroup в офисе председателя с 1999 по 2009 год и некоторое время занимал пост председателя Citigroup в начале обвала финансовых рынков в 2007 году. Липтон, Фроман, Гайтнер, Саммерс и Генслер – все работали на Рубина в Минфине США в конце 1990-х годов, а Лью – в Белом доме. Липтон, Лью и Фроман позже последовали за Рубином в Citigroup, а Саммерс позже работал консультантом в Citigroup.
>
> После того как в 1990-х годах эта команда была подготовлена, и подготовлена работой на среднем

бюрократическом уровне, в 2000-х она была аккуратно продвинута в Белый дом, Минфин, МВФ и в другие места, сделав Рубина де-факто **крестным отцом мировых финансов.** Гайтнер – бывший министр финансов и бывший президент Федерального резервного банка Нью-Йорка. Лью в настоящее время [2014] занимает должность министра финансов. Фроман был влиятельной закулисной фигурой в Национальном экономическом совете Белого дома и Совете национальной безопасности с 2009 по 2013 год, а затем торговым представителем США. Ларри Саммерс – бывший министр финансов и председатель Национального экономического совета президента Обамы [Рикардс, 2015, гл. 8].

Заметим, что подготовка многочисленных вассалов и расстановка их на ключевые места в **разных** организациях – один из наиболее достоверных признаков властной группировки. Ведущая роль Роберта Рубина в группе «защитников доллара» не вызывает сомнений; но нужно еще ответить на вопрос, является ли он верховным сюзереном всей группировки или же выполняет роль координатора одного из ее «подразделений». Для этого нам нужна дополнительная информация, и она легко находится.

Бен Бернанке, председатель ФРС США с 2006 по 2014 год, и еще один ведущий борец с экономическим кризисом, учился в Гарварде (1971–1975) в том же колледже (Winthrop House), что и Роберт Рубин, к слову, одновременно с Ллой-

дом Бланкфейном, будущим директором Goldman Sachs (с 1982-го по наши дни). Научным руководителем Бернанке был Стэнли Фишер (вице-председатель ФРС США с 2014 по 2017 год и управляющий Банка Израиля с 2005 по 2013 год), который по окончанию работы в МВФ в 2001 году был взят на работу в Citigroup сразу на должность вице-президента, как раз в то время, когда Роберт Рубин работал там в роли ключевого советника (с 1999 года). Этот эпизод упоминает Стиглиц в книге «Глобализация: тревожные тенденции» как пример коррупции служащих МВФ:

> Стэнли Фишер, заместитель исполнительного директора МВФ, который играл такую роль в описанных в этой книге эпизодах, перешел из МВФ на пост вице-председателя в Citigroup – разветвленную финансовую группу, в состав которой входит Citibank. Председателем Citigroup (председателем исполнительного комитета) был Роберт Рубин, который в качестве министра финансов США играл главную роль в определении политики МВФ. Можно только задаваться вопросом, был ли Фишер щедро вознагражден за честное исполнение того, что от него требовали? [Стиглиц, 2003]

Существенно, что Стиглиц, чью принадлежность к группировке «мировых денег» мы установили по событиям 2006–2009 годов, выдвинул это обвинение в книге 2002 года, буквально «по горячим следам» перехода Фишера из МВФ в Citigroup. Следовательно, уже в то время Стиглиц восприни-

мал Рубина и Фишера как представителей конкурирующей группировки, в борьбе с которой все средства хороши. А каковы были его отношения с другими персонажами «клики Рубина», например с Ларри Саммерсом? Да ничуть не лучше:

> В 1997 году [Стиглиц] занял пост старшего вице-президента и главного экономиста Всемирного банка… Стиглиц… все больше разочаровывался в неудачах неолиберальной политики и начал высказывать свое мнение в публичных выступлениях. Когда его критика стала совсем уж громкой, он был отстранен от должности во Всемирном банке [февраль 2000], якобы по приказу министра финансов США Ларри Саммерса [Daily Kos, 27 июня 2014].

Стиглиц не остался в долгу, рассказав Грегу Паласту, известному независимому журналисту, интимные подробности принятия решений в Минфине США клинтоновских времен (1998–1999 годы):

> Это случилось в Белом доме, когда президент Билл Клинтон попросил руководителей Минфина дать жизненно важные для американской экономики рекомендации. Заместитель министра финансов Ларри Саммерс повернулся к своему боссу Роберту Рубину и спросил: «А что Goldman Sachs думает по этому поводу?» [Daily Kos, 27 июня 2014].

Обратите внимание – не «что вы думаете по этому пово-

ду», а «что думает Goldman Sachs». Настоящим своим боссом в то время Саммерс считал именно **банк,** а не «крестного отца мировой экономики». Список бывших сотрудников этого банка внушает уважение – здесь и организатор победы Трампа Джошуа Болтен, и президент Европейского банка Марио Драги, и бывший президент Всемирного банка Роберт Зеллик, и даже кризисный премьер-министр Греции 2011–2012 годов Лукас Пападемос. «Кузница кадров» ничуть не хуже Лондонской школы экономики, и уж куда масштабнее «клики Рубина». Сам Роберт Рубин точно так же происходил из «школы Goldman Sachs» и обязан своим состоянием и карьерой людям из этого банка, а не своим талантам. Переход Рубина из Минфина США в Citigroup в 1999 году явно был решением более влиятельных персон, чем даже топ-менеджмент Goldman Sachs (и заставляет задуматься о том, кто реально контролирует оба банка). Для наших целей этого более чем достаточно: подобно Соросу, **Рубин является «фронтменом» властной группировки,** отвечающим в ней за мировые финансы. Решение «защищать доллар» скорее всего было принято на его уровне, а вот к реализации были подключены ресурсы группировки в целом.

Возможности «защитников доллара», когда они решились действовать, впечатляют. В течение четырех месяцев (с мая по сентябрь 2011 года) были заменены оба высших руководителя МВФ. Директором фонда (должность, которую по традиции занимает европеец) стала формально француженка

ка, а на деле американка (с 1981 по 2004 год работавшая в Baker McKenzie со штаб-квартирой в Чикаго) Кристин Лагард. Первым заместителем директора (эта должность, напротив, зарезервирована за американцами) был назначен уже упоминавшийся Дэвид Липтон, работавший в клинтоновском Министерстве финансов под руководством Роберта Рубина (1997–1998), а позднее устроившийся на должность директора по международным рискам в Citigroup (2005), где в то время также работал Рубин. Предшествовали этим изменениям два события, разделенные буквально несколькими днями: 1) 12 мая 2011 года первый заместитель директора МВФ Джон Липски официально заявил, что уходит со своего поста по завершении текущего срока, то есть 31 августа, и 2) 14 мая 2011 года в аэропорту имени Кеннеди был арестован Доминик Стросс-Кан.

Перед тем как перейти к завершающей стадии нашего исследования и разобраться наконец, кто же подставил Доминика Стросс-Кана, нужно сказать несколько слов о Джоне Липски. В отличие от Липмана, он никогда не работал ни в правительстве США, ни под началом Роберта Рубина. Липски получил образование в Стэнфорде, после чего сразу же устроился в МВФ (1974), где и проработал до 1984 года. После этого он продолжил карьеру в банке Salomon Brothers под руководством Генри Кауфмана, работавшего также в Lehman Brothers (конкурент Goldman Sachs), а еще поучаствовавшего в финансировании Бернарда Мейдоффа (вместе

с Пиччиотто). Учитывая, что Липски пять лет проработал в лондонском подразделении Salomon Brothers, можно с высокой вероятностью предположить, что его круг общения принадлежал скорее к «соросовской» группировке. И вот всего за два дня до «дела Стросс-Кана» этот потенциальный союзник «мировых денег» объявляет о завершении карьеры! Выдающаяся интуиция – или предложение, от которого нельзя отказаться?

Вот теперь можно вернуться и к самому Стросс-Кану. Санкцию на его срочный арест дал прокурор Манхэттенского округа штата Нью-Йорк Сайрус Вэнс-младший. Поколению читателей, которые еще помнят Советский Союз, это имя покажется смутно знакомым. И неудивительно: отцом Сайруса Вэнса-младшего был Сайрус Вэнс-старший, госсекретарь США (то есть второй человек в государстве) в администрации Картера. Карьера сына столь высокопоставленного человека была организована по всем правилам американской элиты: сразу же по окончании университета (1982) Вэнс-младший устроился на работу ассистентом прокурора в тот самый Манхэттенский округ, который впоследствии и возглавил. Прокурором округа в те годы был знаменитый Роберт Моргентау, семь раз переизбиравшийся на эту должность (с 1975 по 2009 год). Отцом Роберта Моргентау был Генри Моргентау, министр финансов в правительствах Рузвельта (1934–1945); как видите, переход сыновей госслужащих на прокурорскую работу – обычная практика в амери-

канском истеблишменте. За долгие годы в ассистентах Моргентау побывали и другие «сыночки», такие как Джон Кеннеди-младший (сын того самого Кеннеди) и Эндрю Куомо, сын губернатора штата Нью-Йорк Марио Куомо. Когда в 2009 году Моргентау решил уйти на покой, в преемники он выбрал именно Вэнса, поддержав его на очередных выборах прокурора (вместе с семейством Кеннеди). Как видите, в лице Моргентау мы имеем дело еще с одним высокопоставленным фронтменом, готовящим кадры для целой группировки, вопрос лишь в том, для какой!

Итак, судьбу Стросс-Кана решал потомственный политик, профессионально разбирающийся в различного рода интригах. Для Сайруса Вэнса (перестанем уже называть его младшим, все-таки 65 лет человеку) «дело Стросс-Кана» оказалось далеко не подарком: решительный арест столь высокопоставленного подозреваемого вызвал серьезные сомнения в беспристрастности прокурора. В прессе появились критические замечания о том, что Вэнс забыл о презумпции невиновности, что он не Моргентау, что его действия «разрушили международную репутацию американского правосудия» и что в конечном счете это дело будет стоить прокурору карьеры. Идти на столь серьезный риск человек уровня Вэнса мог лишь в том случае, если был уверен в конечном успехе (которым, как мы теперь знаем, все и закончилось). Обрести такую уверенность за несколько часов, прошедших со звонка Диалло в полицию до санкции на арест Стросс-Кана вряд

ли было возможно, следовательно, Вэнс **заранее** знал, что должно произойти 14 мая.

Знал потому, что сам все и организовал, или же потому, что был введен в курс дела вышестоящими коллегами? В случае Вэнса этот вопрос выглядит риторическим: трудно себе представить, чтобы прокурор Манхэттена был **лично** заинтересован в компрометации директора МВФ. Максимум, что удалось обнаружить традиционным конспирологам, изучавшим «дело Стросс-Кана» под микроскопом, – это рабочие контакты отца Вэнса с американским дипломатом Френком Визнером, одновременно являвшимся отчимом Николя Саркози. Этого оказалось достаточно, чтобы версия «Стросс-Кана подставили Вэнс и сотрудники французской разведки» стала основной в западных бульварных СМИ (характерно, что ее придерживался в своих интервью и сам Стросс-Кан). Однако «французский» след в деле директора МВФ представляется нам маловероятным по следующим причинам. Во-первых, на 14 мая 2011 года о намерениях Стросс-Кана выставлять свою кандидатуру на французских выборах 2012 года еще не было официально объявлено, сам он якобы собирался объявить об этом только 15 мая, и даже в этом случае Стросс-Кану предстояло еще выиграть выборы внутри Социалистической партии. Никакой срочности в его устранении для Саркози не было, между тем обстоятельства дела (хорошо организованная, но все же очевидная фабрикация) говорят именно о торопливости исполнителей.

Во-вторых, оценка «дела Стросс-Кана» в самой Франции была однозначной («его подставили»), так что скомпрометировать таким образом популярного кандидата было невозможно. Сексуальных скандалов в биографии Стросс-Кана хватало и раньше, и они ничуть не мешали его президентским амбициям. В-третьих, и на наш взгляд это решающий аргумент, – Саркози никак не мог быть тем человеком, который обеспечил бы Вэнсу прикрытие на случай, если явно сфабрикованное дело пойдет как-то не так. Рисковать статусом прокурора Манхэттена, куда тебя продвинул предыдущий окружной прокурор, проработавший в этой должности 34 года, ради какой-то Франции? Простите, но таких рисковых парней обычно отсеивают на дальних подступах к Власти.

А вот кто действительно **мог** обеспечить и, более того, реально **обеспечил** Вэнсу необходимую поддержку – так это его непосредственный сюзерен Роберт Моргентау. Когда над головой Вэнса сгустились тучи, бывший прокурор Манхэттена (которому на тот момент был уже gi год) выступил с публичным заявлением о полном одобрении действий своего преемника, включая «дело Стросс-Кана». Что же касается закулисной поддержки, которую Моргентау мог оказать Вэнсу, то ее мы даже не можем себе представить: сколько людей на Манхэттене за 34 года могли оказаться обязанными окружному прокурору?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.